

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Александр и идея единства человечества

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.01 «Филология»

Исполнитель:
Обучающийся 2 курса
Образовательной программы «Классическая,
византийская и новогреческая филология»
Профиль «Классическая филология»

очной формы обучения
Мезенцева Дарья Викторовна

Научный руководитель:
к.ф.н. Тахтаджян С.А.

Рецензент:
Хосроев А.Л.

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

I. Введение	2
II. Poleмика вокруг образа Александра	6
III. Представление о единстве человечества до Александра.....	11
IV. Обзор источников	19
V. Александр и идея единства человечества: разбор свидетельств.....	28
1. «...бог является общим отцом всех людей»: божественное происхождение Александра	28
2. «Ведь он не последовал совету Аристотеля...»: Александр и Аристотель.	35
3. «...добиваясь преданности с помощью смещения и сотрудничества...»: Александр и персы.....	44
4. «...молился о прочих благах и о согласии македонцев и персов и их совместном участии в управлении государством»: Пир в Опесе.....	53
5. «Браки были заключены по персидскому обычаю»: Свадьбы в Сузах.....	60
6. «...переселение людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию...»: неосуществленные планы Александра	67
VI. Заключение	75
VII. Список литературы.....	77

I. Введение

Главной целью нашего исследования было выяснить, руководствовался ли Александр в своих завоеваниях идеей единства человечества и, если да, то в чем именно эта идея заключалась. Несмотря на то, что эта тема неизменно вызывала интерес ученых на протяжении многих веков, в современной историографии выдвигаются очень разные предположения об истинных замыслах Александра.

В основном ученые соглашаются, что впервые предложенный У. Тарном образ правителя, верящего в братство всех людей и желавшего, чтобы все народы его державы были скорее соправителями, чем подданными, не находит подтверждения в источниках. С другой стороны, многие авторы научных работ об Александре в той или иной мере признают, что действия царя позволяют говорить о его стремлении объединить и примирить народы своего огромного государства. Основным тенденциям в изображении македонского завоевателя в разные эпохи, а также неугасающей полемике вокруг личности Александра (в том числе, спору Э. Бэдиана с У. Тарном) посвящена вторая глава нашего исследования.

В рамках нашей темы необходимо было подробно остановиться на определении самого понятия единства человечества, выделить его составляющие и проследить его развитие до времени Александра. В третьей главе мы попробовали ответить на вопрос, какие представления о единстве человечества существовали в греческой мысли и как они могли повлиять на македонского полководца.

Следующей задачей был отбор свидетельств, важных для нашей темы. Для этого требовалось разобраться, прежде всего, в первоисточниках, которые дошли до нас фрагментарно в сочинениях историков, живших в эпоху Римской империи. Мы попытались проследить взаимосвязь этих источников и, определив их отношение к Александру, а также цели, которые

историки преследовали при написании своих трудов, оценить степень их надежности. На решение этой задачи мы отвели четвертую главу.

Предварительный обзор источников позволил нам дать более подробный анализ свидетельств. Этому посвящена самая объемная часть нашего исследования. В пятой главе мы сгруппировали свидетельства по темам и разобрали каждое из них, опираясь на различную научную литературу об Александре и приводя мнения ученых.

В первом разделе главы разбирается место, которое У. Тарн привлекал в качестве доказательства того, что Александр считал всех людей братьями, а именно – путешествие царя к оракулу Аммона и его встреча с философом Псаммоном в Египте (Plut. Alex. 27.10–11). Мы постарались показать, что из этого рассказа Плутарха невозможно извлечь надежных для нашей темы выводов. В этом же разделе обсуждается вера Александра в свое божественное происхождение, а также его неудавшаяся попытка ввести при дворе обряд коленопреклонения.

Во втором разделе мы разбираем отрывок из сочинения Плутарха (Plut. De Alex. 329 b–d) и фрагмент Эратосфена у Страбона (Strab. I.4.9), заметное сходство этих двух свидетельств, авторство совета неодинаково обращаться с варварами и эллинами, данного Александру, и, наконец, подлинность письма Аристотеля царю, которое упоминается Плутархом.

На так называемой «политике смешения», которую, по мнению некоторых ученых, проводил царь, и отношении македонцев к восточным обычаям мы останавливаемся в третьем разделе, привлекая к исследованию свидетельства Арриана (Arr. An. VII. 29.4) и Плутарха (Plut. Alex. 47, 5–8). Здесь же мы обсуждаем ношение Александром персидской одежды, его приказ обучать персидских юношей греческому языку и владению македонским оружием, а также женитьбу царя на бактрийской царевне

Роксане, пытаясь проанализировать возможные причины таких действий царя и их реальные последствия.

На примере пира в Описе, подробное описание которого нам оставил один лишь Арриан (Arr. An. VII, 11, 8–9), мы пытаемся оценить вероятность стремления Александра к сотрудничеству и объединению двух народов своей империи. Эту сцену, в которой царь произносит молитву «о согласии македонцев и персов и их совместном участии в управлении государством» мы анализируем в четвертом разделе.

Пятый раздел посвящен анализу двух отрывков из сочинений Арриана и Плутарха (Arr. An. 7.4.4 и Plut. Alex. 70.2), в которых рассказывается о массовых бракосочетаниях в Сузах.

В шестом разделе пятой главы мы разбираем отрывок из Диодора Сицилийского (Diod. XVIII, 4, 4-6), который проливает свет на некоторые планы Александра, которые не успели осуществиться из-за его смерти. Принимая во внимание надежность источника, мы останавливаемся на упомянутом в нем замысле царя объединить народы двух частей света, организовав их взаимное переселение, и пытаемся определить, что в свидетельстве Диодора восходит к настоящим проектам царя, а что к идее примирения двух народов, которая могла быть приписана царю более поздней традицией.

В заключительной шестой главе мы подводим общий итог анализа всех свидетельств, опираясь на результаты проделанного исследования.

Основные необходимые для темы нашего исследования свидетельства представляют собой отрывки из сочинений, целиком посвященных Александру. Это, прежде всего, биография царя из сборника жизнеописаний Плутарха и его трактат «О судьбе и доблести Александра», а также «Поход Александра» Арриана. Кроме того, некоторые важные сведения мы почерпнули из XVIII книги Диодора Сицилийского, в которой историк

описал борьбу диадохов Александра после его смерти, а также из «Географии» Страбона, главным источником которого был Эратосфен, чей труд, в свою очередь, был знаком Плутарху. В тех случаях, когда это было, по нашему мнению, необходимо, мы обращались к трудам Курция Руфа и Юстина, чьи сочинения восходят к более распространенной, но менее достоверной традиции.

Для того, чтобы провести как можно более полный и подробный анализ свидетельств, мы использовали доступные нам комментарии к античным текстам: краткий, но снабженный обширным введением комментарий Дж. Аткинсона к сочинению Арриана (2013), и комментарий Дж. Р. Хэмилтона к Плутарховому жизнеописанию Александра (1969).

Мы постарались привлечь к исследованию как можно больше научной литературы, чтобы проанализировать разные точки зрения и историю изучения вопроса. Работу над такой обширной темой, как личность Александра, невозможно было бы представить без сборника статей Э. Бэдиана (*Collected papers on Alexander the Great*, 2012), а также хрестоматии И. Уортингтона (*Alexander the Great: A reader*, 2012). Незаменимыми на протяжении всего исследования были библиография В. Хекеля (*Who's who in the age of Alexander the Great*, 2006), труд Л. Пирсона (*The lost histories of Alexander the Great*, 1960), а также книга Г. Болдри (*The Unity Of Mankind in Greek Thought*, 1965). Очень важными для нашей работы были монография Ф. Шахермайра (*Александр Македонский*, 1972), знаменитая статья Э. Бэдиана (*Alexander the Great and the unity of mankind*, 1958), и, пожалуй, все использованные в исследовании труды А. Б. Босворта. Перечисленные научные работы позволили взглянуть на фигуру Александра с разных точек зрения. Для разрешения отдельных непростых задач сложно было бы обойтись без книги Дж. Хорнблауэр об Иерониме из Кардии (*Hieronymus of Cardia*, 1981) и издания писем Аристотеля М. Плези (*Aristotelis privatorum scriptorium fragmenta*, 1977).

II. Полемика вокруг образа Александра

Полемика вокруг образа македонского завоевателя началась очень рано, уже при его жизни. Даже у историков Александра, принявших участие в его походе, мы можем проследить разные традиции в изображении царя. Каждый писатель освещал наиболее значительные, на его взгляд, события, и показывал те особенности личности Александра, которые казались ему заслуживающими внимания.¹ Сложность и масштаб этой исторической фигуры поспособствовали мгновенному появлению ее различных трактовок историками, которые, зачастую свободно обращаясь с фактами, изображали «своего» Александра, поскольку ставили перед собой определенные цели.²

Римляне уже в I в. до н. э. называли Александра «Великим»: самую раннюю отсылку к македонскому властителю с таким эпитетом мы находим в комедии Плавта «Привидение» (Pl. Mos. 3.2. 86), но, по-видимому, *Alexander Magnus* появился в истории задолго до этого упоминания.³ Перипатетики, Цицерон (Att. xiii, 28, 2) и Сенека (De ira, III, 23, 1) порицали Александра за жестокость и несдержанность, но для многих римских императоров он стал примером для подражания. В Средние века эпические поэты сделали из Александра неуязвимого и благородного рыцаря,⁴ а Данте поместил македонского завоевателя на седьмой круг Ада к убийцам и насильникам (Inf. XII. 98–100). Интерес к Александру как гениальному полководцу и выдающемуся государственному деятелю возрос в XVII–XVIII веках: так, например, художник Ш. Лебрен, выполняя заказы Людовика XIV, написал целую серию картин на сюжеты из истории знаменитого полководца, и эти полотна должны были прославить

¹ Pearson L., *The Lost Histories of Alexander the Great*. Oxford, 1960. P. 20.

² Обзор сочинений античных авторов о походе Александра дан в IV главе.

³ Worthington I. *By the spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire*. Oxford, 2014. P. 303.

⁴ Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. С. 36-41.

французского монарха.⁵ Мы видим, что каждая новая эпоха «по росту» подбирала для себя ту или иную тенденцию, но даже при этом оценки личности Александра колебались от непримиримого осуждения до чрезмерной идеализации. Можно сказать, что такая же ситуация сложилась и с научным изучением личности и деятельности Александра Македонского.

Начиная с XVIII века западная историография пыталась воссоздать портрет настоящего Александра. Для историков этого времени особенный интерес представлял поход завоевателя на Восток и его ценность с географической и экономической точек зрения.⁶ В первой половине XIX века первооткрыватель эллинизма И. Г. Дройзен, автор знаменитой «Истории Александра Великого» (*Geschichte Alexanders des Grossen, 1833*), стал одним из первых ученых, последовавшим апологетической традиции в изображении Александра.⁷ Историк считал македонского царя гениальным завоевателем, и, уподобляя Прусское государство Македонии, за фигурой Александра видел уникального героя, создавшего новую сильную империю и подготовившего почву для культурного обмена между Западом и Востоком.⁸ Историка У. Вилькена (*Alexander der Große, 1931*) также привлекал образ Александра-властителя – сильной личности, стремящейся к мировому господству.⁹ Ранние труды Ф. Шахермайра, чье видение Александра очень изменилось после Второй мировой войны, А. Б. Босворт приводит в качестве примера того, какое огромное влияние на трактовку образа Александра может оказать определенный период в истории.¹⁰

⁵ Baynham E. L. Power, Passion, and Patrons: Alexander, Charles Le Brun, and Oliver Stone. // Alexander the Great: a new history. Ed. Heckel W., Tritle L. A. Oxford, 2009. P. 294-310. P. 295.

⁶ Briant P. Alexander and the Persian Empire, between “Decline” and “Renovation”: History and Historiography. // Alexander the Great: a new history. Ed. Heckel W., Tritle L. A. Oxford, 2009. P. 312-339. P. 314-317.

⁷ Ibid., p. 319-310.

⁸ Дройзен И. Г. История эллинизма. История Александра Великого. Пер. с нем. М., 2001. С. 5-14.

⁹ Briant P., op. cit., p. 326.

¹⁰ Bosworth A. B. Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. Oxford, 2004 (=1996). P. 4.

Интерес ученых к личности македонского полководца особенно возрос благодаря английскому ученому У. Тарну. В своих работах (знаменитой статье *Alexander the Great and the Unity of Mankind*, 1937, и монографии об Александре, вышедшей в 1948 г.) он продолжил апологетическую традицию изображения македонского правителя и создал знаменитый образ Александра, который стремился к достижению единства человечества и мечтал о том, чтобы все народы его огромного государства жили в согласии.¹¹

Как отмечает Дж. Аткинсон, в период Холодной войны (с начала 50-х до начала 90-х годов XX века) в историографии постепенно начинает преобладать более рациональный образ Александра.¹² В 1958 году, ровно через год после смерти У. Тарна, вышла статья Э. Бэдиана, резко сместившая фокус в исследовании личности македонского царя. Избранные У. Тарном для оценки образа Александра свидетельства, которые он рассматривал как подтверждение его веры в единство человечества, Бэдиан счел неубедительными. Критически проанализировать эти свидетельства (Arr. An. VII, 11, 8–9; Plut. Alex. 27.10-11; Plut. De Alex. 329 b–d) мы попытались и в нашем исследовании.

В современной историографии мы уже практически нигде не встретим Тарновский образ Александра, на создание которого ученого вдохновили как эпоха, в которую он жил, так и трактат Плутарха «О судьбе и доблести Александра», где завоеватель изображен мудрым правителем и всеобщим примирителем, сумевшим воплотить в жизнь философские представления о единстве человечества. Сегодня никто из ученых не верит в такого Александра, предлагая теории, в которых завоеватель предстает более сложной личностью.

¹¹ Эту идею У. Тарна и ее основные положения мы подробно рассматриваем далее в III главе.

¹² Hammond M. Arrian: Alexander the Great. The Anabasis and the Indica. Introduction and Notes by Atkinson J. Oxford, 2013. P. xii.

Так, например, можно выделить несколько основных современных тенденций в изображении Александра. Одна из них, опирающаяся на упомянутое выше свидетельство Плутарха, представляет собой портрет Александра, проводившего политику смешения (*Verschmelzungspolitik* или *Policy of fusion*).¹³

Другие ученые, среди которых, например, А. Б. Босворт и Ю. Борза, считают, что действия Александра скорее можно назвать политикой разделения народов (*Policy of division*), поскольку македонцы были вынуждены терпеть разделение их военных отрядов и пополнение их персидскими воинами, а персы, в свою очередь, забывали свои корни и культуру, навсегда покидая дом.¹⁴ Отдельно хочется упомянуть мнение А. Б. Босворта, который описывает правление Александра как непрекращающиеся сражения и подчеркивает, что уже Арриан, самый симпатизирующий Александру историк античности, описывает весь поход македонского полководца как непрерывную череду кровопролитий.¹⁵

Наконец, многие ученые доказывают, что ни о каком единстве человечества не может быть и речи, поскольку во всех свидетельствах сообщается о слиянии только персидского и македонского народов, и даже если действия Александра в чем-то действительно могут подразумевать политику смешения, царь всегда руководствовался практическими задачам и

¹³ Из ученых, разделяющих эту точку зрения, можно назвать Г. Берве ('Die Verschmelzungspolitik Alexanders des Grossen', *Klio* xxxi, 1938), чью позицию пересказывает А. Б. Босворт в статье 'Alexander and the Iranians' (*Journal of Hellenic Studies* 100, 1980), Э. Фредриксмейра ('Alexander the Great and the Kingship of Asia'), а также Ф. Шахермайра.

¹⁴ А. Б. Босворт в указанной выше статье говорит о «политике разделения», а Ю. Борза, присоединяясь к его мнению, категорически отрицает любую «политику смешения» в своей статье 'Ethnicity and Cultural Policy at Alexander's Court' (*Ancient World* 22. Ares Publishers, Inc., 1991).

¹⁵ Bosworth A. B. *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*. Oxford, 2004 (=1996). P. V.

преследовал, прежде всего, свои интересы.¹⁶ Такая точка зрения представляется нам вполне справедливой.

Важно отметить, что каждая из перечисленных тенденций находит достаточно убедительное подтверждение в античных источниках, и этим, на наш взгляд, обусловлено такое разнообразие мнений об истинном характере Александра и его политике. В работе мы постарались, с одной стороны, учитывать эти и другие мнения разных ученых, а с другой, сосредоточиться, прежде всего, на самих источниках.

¹⁶ И. Уортингтон (Alexander the Great: a Reader. 2 nd edition. London, 2012. P. 276) описал Александра как человека, всегда руководствующимся практическими соображениями («*Alexander was always the pragmatist*»). Похожее мнение высказывали Г. Болдри (The Unity Of Mankind in Greek Thought, Cambridge, 1965. p. 127) и П. Картледж (Alexander the Great, 2004. p. 204).

III. Представление о единстве человечества до Александра

Кажется, можно согласиться с У. Тарном в том, что между серединой IV и началом III вв. в греческой мысли произошла революция, подготовившая почву для эллинистической культуры. Но, очевидно, он заблуждался, когда писал, что прежде греки делили известный им мир на греков и варваров, а представление о том, что все люди – братья, и они должны жить вместе в единстве и согласии, возникло только лишь в III веке («*For long, prior to that revolution, Greeks had divided the world they knew into Greeks and non-Greeks...But in the third century we meet with a body of opinion which discarded this division; it held that all men were brothers and ought to live together in unity and concord*»).¹⁷ По справедливому замечанию Г. Болдри,¹⁸ если, вслед за У. Тарном, признать, что именно Александр обогатил греческую мысль новым представлением о единстве всех людей, то, получается, в V и IV вв. мы не найдем никаких подобных идей и утверждений. Но идея единства человечества родилась не благодаря походам Александра: она существовала и последовательно развивалась в греческой философии еще до Сократа.

Г. Болдри пишет,¹⁹ что зачатки представления о единстве человечества можно найти уже натурфилософов Анаксимандра и Гераклита. Последнего стоики считали своим преемником, а Зенон Китийский, чью «Политию» в трактате об Александре упоминает Плутарх, испытал сильное влияние его философии.²⁰ Гераклит писал, что все человеческие законы питаются одним законом – божественным (D-K В 114). Кажется, напрашивается некоторая параллель со знаменитой историей о посещении Александром в Египте философа Псаммона (Plut. Alex. 27.10–11), когда царь «одобрил мысль, что

¹⁷ Baldry H. C., *The Unity Of Mankind in Greek Thought*, Cambridge, 1965, 121. Болдри цитирует У. Тарна (*Alexander the Great*, vol. 11, p. 399) и добавляет, что ту же мысль мы можем встретить в самом начале его знаменитой статьи *Alexander the Great and the Unity of Mankind*, 1993.

¹⁸ *ibid.*, p. 122.

¹⁹ Baldry H. C. *The Unity Of Mankind in Greek Thought*, Cambridge, 1965. P. 25-26.

²⁰ Поленц М. Стоя. История духовного движения. Пер. с немецкого В. М. Линейкина. СПб., 2015. С. 139

над всеми людьми царствует бог: ведь в каждом человеке властвующее и руководящее начало происходит от бога».²¹

Софисты критиковали представлявшиеся им несправедливые законы и обычаи, развивая противопоставление νόμος и φύσις. Софист Антифонт, автор недошедшего до нас трактата «Об истине», отрицал существование различия²² между эллинами и варварами:

Antiphon, F 44 (b), II, 1-34, III, 1-12.

...ρων ἐπι[ιστάμε]θά τε κ[αὶ] σέβομεν· τοὺς δὲ [τῶν τη]λοῦ οἰκ[οῦν]των οὔτε ἐπι[στ]άμεθα οὔτε σέβομεν. ἐν τ[ο]ύτῳ οὖν πρὸς ἀλλήλους βεβαρβαρώμεθα· ἐπεὶ φύσει γε πάντα πάντες ὁμοίως πεφύκ[α]μεν καὶ βάρβαροι καὶ Ἕλληνας εἶναι. σκοπεῖν δ[ὲ] παρέχει τὰ τῶν φύσει ἀναγκαί[ων] πᾶσιν ἀν[θρώ]ποις· καὶ ἐν [] τοῖς οὔτε β[άρβα]ρος ἀφώρι[σται] ἡμῶν ο[ὐ]δεῖς οὔτε Ἕλληνας ἀναπνεόμεν τε γὰρ εἰς τὸν ἀέρα ἅπαντες κατὰ τὸ στόμα [κ]αὶ κατ[ὰ] τὰς ῥίνας. κ[αὶ] γελοῦμεν χαίροντες καὶ δακρύομε[ν] λυπούμενοι· καὶ τῇ ἀκοῇ τοὺς φθόγγους εἰσδεχόμεθα· καὶ τῇ αὐγῇ μετὰ τῆς ὄψεως ὀρώμεν. καὶ ταῖς χερσὶν ἐργαζόμεθα. καὶ τοῖς ποσὶν βαδ[ίζομεν]...²³

«...[законы тех, кто находится близко]²⁴ мы знаем и соблюдаем. А законы тех, кто живет далеко, мы и не знаем, и не соблюдаем. В этом мы стали варварами по отношению друг к другу, в то время как, по крайней мере, по природе мы все равным образом во всем созданы быть и варварами, и эллинами. Можно обратить внимание на вещи, которые по природе присущи всем людям. В них ни один из нас не определяется ни как варвар, ни как эллин. Ведь мы все вдыхаем воздух нашим ртом и ноздрями. И

²¹ Отрывок разбирается далее в V главе.

²² Зайцев А. И., Антифонт. Философский энциклопедический словарь. М. 1983. С. 29.

²³ Греческий текст приводится по изданию Antiphon the Sophist: the fragments. Ed. Pendrick G. J. Cambridge, 2002.

²⁴ Поскольку в целом этот фрагмент Антифонта сосредоточен именно на противопоставлении νόμος и φύσις, кажется убедительным предположение Дж. Пендрика, что слова τοὺς δὲ в начале второго предложения обозначают νόμοι. Pendrick G. J., op. cit., p. 351-352.

смеемся мы, когда рады, и плачем, когда опечалены. Мы воспринимаем звуки нашим слухом; мы видим глазами с помощью нашего зрения; работаем мы при помощи рук; ходим с помощью ног...».

И греки, и варвары, по мнению Антифонта, стали варварами по отношению друг к другу из-за того, что они живут согласно своим искусственно созданным νόμοι, которые стали для них более значимы, чем их врожденная, одинаковая у всех φύσις.²⁵ Получается, уже до времени Александра греки, расширяя свои познания об окружающем мире, стали замечать, что всем людям, несмотря на их различия, присущи также и общие черты: по природе греки ничем не отличаются от варваров. Дж. Пендрик обращает внимание на использовании Антифонтом формы βεβαρβαρώμεθα: под «мы» имеются в виду все люди — и греки, и чужеземцы. Глагол использован в нейтральном смысле и не имеет негативной окраски, поскольку Антифонт отвергает деление людей на греков и варваров как совершенно противоестественное. Следовательно, основную мысль этого его предложения можно пересказать так: все мы сделали чужеземцами в глазах друг друга.²⁶

В трактате «О воздухах, водах и местностях» Гиппократ, исследуя связь между природой, окружающей человека, и его собственной природой, также обращается к теме νόμος и φύσις. Он отмечает, что «у тех народов, у кого храбрость и способность переносить страдания не одинаково присутствуют в душе от природы, они воспитываются с помощью введенного закона»²⁷ (XXIV, 20). Кроме того, согласно теории автора, физические и психологические особенности людей напрямую зависят от среды, окружающей их. Так, например, Гиппократ считал жителей горных стран более храбрыми, чем жителей равнин, а обитателей Малой Азии — более

²⁵ Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law and Justice in the Age of the Sophists. University of Texas Press, 2002. P. 71-72.

²⁶ Pendrick G. J., op. cit., p. 359.

²⁷ Гиппократ и Гиппократов сборник. Пер. В. И. Руднева; ст. и примеч. В. П. Карпова; отв. ред. С. Сапожников (Серия «Классики биологии и медицины»). М., 1936. С. 303.

изнеженными, чем греков. Из-за этой мягкотелости, по мнению автора, многие азиатские государства имеют деспотическую форму правления, а те населяющие Малую Азию эллины или варвары, которые живут независимо и переносят трудности самостоятельно, являются самыми воинственными из всех. Гиппократ делает вывод, что из-за природных условий и «азиаты весьма много разнятся между собою и одни доблестнее, другие слабее»²⁸ (XVI, 40-43). Получается, отличия между людьми пытались объяснять не принадлежностью их к определенному народу или социальному слою, а иными, более рациональными и существенными, причинами. Кроме того, Гиппократ опирается на то, что φύσις, природа, у всех людей изначально одинакова и для него, как для врача, только она составляет главный интерес, в то время как языковые различия и положение того или иного человека в обществе он считает малозначительными.²⁹

Можно ли предположить, что Александр разделял подобные идеи? Примечательно, что в окружении Александра были выдающиеся мыслители, которых в той или иной степени могла интересовать тема единства человечества. Среди них, например, киник Онесикрит, который написал биографию царя «Как воспитывался Александр» (Πῶς Ἀλέξανδρος ἤχθη). В этом сочинении Онесикрит, вероятно, попытался описать деяния царя в соответствии с учением Диогена (his attempt to harmonize the deeds of Alexander with the principles of Diogenes was perhaps the mainspring of the whole work).³⁰ Сам основатель школы киников называл себя космополитом (κοσμοπολίτης), имея в виду, что он, пренебрегая всеми традициями и освободившись от социальных предрассудков, не является гражданином ни одного полиса (D. L., VI, 63; 72). Даже несмотря на то, что киники сопровождали Александра во время его похода, а сам царь, если верить рассказу Диогена Лаэртия, встречался со знаменитым основателем их школы,

²⁸ Там же, с. 296.

²⁹ Baldry H. C., op cit., p. 47.

³⁰ Brown T. S. Onesicritus, A Study in Hellenistic Historiography, 1949. P. 7.

кажется маловероятным, что космополитические идеи киников в той или иной мере повлияли на взгляды Александра.³¹ Д. Дадли пишет, что такой человек, как Александр, который отвергал советы об управлении государством от самого Аристотеля, вряд ли прислушался бы к двум последователям эксцентричного философа. Этот аргумент кажется слабым, если вспомнить, к примеру, легендарную историю о знакомстве царя с Диогеном в Коринфе (Plut, Alex, 65) или его интерес к гимнософистам и встречу с ними в окрестностях Таксилы (Plut, Alex, 65). С другой стороны, если предположить, что Александр, будучи царем огромного государства, помышлял о единстве всего человечества, то, скорее всего, его идеи были ближе к «Политии» стоика Зенона, чем к кинической школе, представители которой были известны своей резкой критикой общепринятой модели общества и стремлением к абсолютной независимости (αὐτάρκεια), в том числе, от полисов.

Мы видим, что идея единства человечества появилась у греков задолго до Александра, продолжая развиваться у разных мыслителей. Что же конкретно имеется в виду, когда речь идет о единстве человечества? На основании рассмотренных отрывков, можно выделить несколько составляющих этого понятия. Во-первых, это существование над множеством различных людских законов единого закона для всех – божественного (τρέφονται γὰρ πάντες οἱ ἀνθρώπειοι νόμοι ὑπὸ ἐνὸς τοῦ θεοῦ).³² Во-вторых, это одинаковая φύσις всех людей и, как следствие, признание разделения людей на варваров и эллинов искусственным (эту мысль высказывал Антифонт). В-третьих, объяснение отличий между людьми не принадлежностью к какому-то народу, а средой, окружающей их. Если предположить, что царь действительно разделял подобные суждения, ясно,

³¹ Dudley D. R., A History of Cynicism, Cambridge, 1937. P. 35.

³² Текст Гераклита приводится по изданию Die Fragmente der Vorsokratiker. Erster Band. / Ed. Diels H., Kranz W., Auf. 6. Berlin, 1960. S. 176.

что он не создал что-то новое для греческой мысли, но мог подхватить их и воплотить в жизнь.

У. Тарн в своей монографии³³ писал, что идея Александра о единстве человечества основывалась на нескольких положениях. «Первое заключается в том, что Бог – общий отец всех людей, что можно назвать братством народов.³⁴ Второе – мечта Александра о том, чтобы все известные ему на тот момент народы пришли к единомыслию и жили в единстве и согласии, что можно назвать единством человечества. И, наконец, третья составляющая идеи – желание царя, чтобы разные народы его государства были скорее соправителями, чем подданными». У. Тарн доказывает стремление Александра осуществить на деле идею единства человечества, опираясь, в том числе, на отрывок из Плутарха (*De Alex.*, 329b-d), где писатель изображает царя идеальным правителем-философом, чьи цели и стремления во многом совпадали с содержанием «Политии» стоика Зенона, которая была написана примерно спустя полвека после смерти Александра.

Пытаясь проследить развитие представления о единстве человечества в греческой мысли, мы считаем необходимым подробнее рассказать об этом сочинении. Для нашей темы, конечно, особенно важен тот факт, что Плутарх передал основные мысли философа как очень схожие с замыслами и действиями македонского завоевателя (*Plut.*, *De Alex.*, 329b-d). Это сочинение дошло до нас фрагментарно, в немногочисленных упоминаниях о нем более поздних авторов, а также в довольно скудных пересказах и, иногда, цитатах. Проблематично определить время написания Зеноном «Политии». Диоген Лаэртский сообщает, что Зенон написал это сочинение «на собачьем хвосте» (ἐπὶ τῆς τοῦ κυνὸς οὐρᾶς), то есть, во время своего обучения у киника Кратета (VII, 4). Д. Дадли считает, что это могло произойти и сразу

³³ Цитата У. Тарна приводится из статьи Э. Бэдиана: Badian E., *Alexander the Great and the Unity of Mankind* // *Collected papers on Alexander the Great*, Ed. E. Badian, 2012. P. 1-19. P. 1-2. Первая публикация статьи: *Historia* 7 (1958), 287-306.

³⁴ Почему это положение нельзя считать достаточным для того, чтобы разглядеть за ним идею всеобщего братства, мы разбираем в V главе.

после того, как Зенон покинул Кратета и стал учеником Стилпона, показав своим сочинением, что к тому времени он еще «не избавился от собачьего хвоста». ³⁵ О том, что «Полития» была ранним трудом философа, сообщает Филодем в сочинении «О стоиках» (Philodemus, Pap. 339, Col. 15. 1-4), где он пишет, что Зенон написал ее, будучи еще нерассудительным молодым человеком. Принятая датировка жизни основателя школы стоиков (334/3-262/1) основывается на сведениях Персея, ученика Зенона, который в «Этических чтениях» пишет, что умер основатель школы стоиков в возрасте 72-х лет, а в возрасте 22-х лет прибыл в Афины, где, скорее всего, и прожил до самой смерти. ³⁶ Исходя из этого, мы можем примерно датировать «Политию» Зенона началом III в. По словам Плутарха, главной целью философа было:

...ἵνα μὴ κατὰ πόλεις μηδὲ κατὰ δήμους οἰκῶμεν, ἰδίους ἕκαστοι διωρισμένοι δικάϊοις, ἀλλὰ πάντας ἀνθρώπους ἡγώμεθα δημότας καὶ πολίτας, εἷς δὲ βίος ἢ καὶ κόσμος, ὥσπερ ἀγέλης συννόμου νόμῳ κοινῷ συντρεφομένης. ³⁷

«...чтобы мы жили не по полисам и демам, каждый оградившись собственными законами, но чтобы мы считали всех людей земляками и согражданами, чтобы жизнь была одна и единый порядок, как у вместе пасущегося стада, воспитывающегося общим законом».

Итак, в сочинении, написанном уже после смерти Александра, мы снова встречаем критику законов и обычаев, которые, будучи у всех своими собственными, отделяли людей друг от друга. М. Скофилд отмечает, что Зенон отвергал не полисы и полисную систему как таковую (ведь это заметно противоречило бы другим свидетельствам о «Политии»), но именно искусственные νόμοι, вместо которых для всех должен быть общим закон

³⁵ Dudley D. R., op.cit., p. 98.

³⁶ Фрагменты ранних стоиков, пер. и комментарии А. А. Столярова, т. 1. М, 1998. С. 15.

³⁷ Plutarch, De Alex., 329a (SVF, 262). Греческий текст приводится по изданию Plutarchi moralia, vol. 2.2. / Ed. Nachstädt, Leipzig: Teubner, 1935, repr. 1971.

природы (εἰς δὲ βίος ἢ καὶ κόσμος).³⁸ Сложно сказать, могли ли действия царя в той или иной мере повлиять на Зенона и отразиться в его сочинении. Правление Александра продлилось так недолго, что далеко не все его планы успели полностью осуществиться, а претворение многих его замыслов в жизнь завершилось, едва успев начаться, еще до того, как в Греции успели осмыслить последние события на Востоке.³⁹ Отдельный вопрос: насколько оправданно Плутарх сопоставляет содержание «Политии» с деяниями Александра? Отчасти здесь он рисует портрет царя, разделяющего идеи стоиков, а именно — важную для их философии мысль, «чтобы мы считали *всех* людей земляками и согражданами». Но далее (329d) Плутарх приписывает Александру призыв считать только добрых людей родственниками, а дурных — чужаками. Очевидно, что это совсем не одни и те же идеи.⁴⁰

Остается сделать вывод, что представления греков о единстве человечества существовали еще до времени Александра, развиваясь долго и последовательно. Однако важен и тот факт, что именно достижения полководца расширили эти представления, обогатив новыми перспективами: идея о единстве человечества стала набирать силу и оказала сильное воздействие на эллинистический мир, не прекратив свое развитие много веков спустя.⁴¹

Нам предстоит ответить на вопрос, разделял ли Александр подобные идеи, заключающиеся в отличном от привычного отношения греков к варварам, и, если да, в какой мере царь руководствовался ими во время своих походов.

³⁸ Schofield M. The Stoic idea of the city. Cambridge, 1991. P. 105, 109-111.

³⁹ Baldry H. C., op. cit., p. 129.

⁴⁰ Vogt K. M. Law, reason, and the cosmic city: political philosophy in the early Stoa. Oxford, 2008. P. 87-89.

⁴¹ Baldry H. C., op. cit., p. 134.

IV. Обзор источников

Арриан в самом начале своего сочинения о походе Александра (An. I. 1, 2) говорит, что «нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее» (ἄλλοι μὲν δὴ ἄλλα ὑπὲρ Ἀλεξάνδρου ἀνέγραψαν, οὐδ' ἔστιν ὑπὲρ οὗτου πλείονες ἢ ἀξυμφωνότεροι ἐς ἀλλήλους). До нас дошло множество отрывочных источников и сведений о македонском завоевателе. Первоисточники, ни один из которых до нас не дошел, были двоякого рода: документальные и литературные. Царская канцелярия, главой которой еще Филиппом был назначен грек Эвмен из Кардии,⁴² вела и хранила эфемериды, придворные дневники, и гипомнематы, включавшие в себя различные документы, отчеты и письма-распоряжения царя. Литературные источники представляли собой произведения, сочиненные историками и философами, сопровождавшими Александра в его походах. О грандиозной кампании царя писали его современники Каллисфен, внучатый племянник Аристотеля, назначенный придворным историографом; киник Онесикрит, полководцы Александра Непарх и Птолемей, инженер Аристокбул, распорядитель двора (эйсангелей) Харес из Митилены.

Уже в античности сложились две традиции повествования об Александре: историческая, вершиной которой многими учеными сегодня считается труд Арриана, и литературная. Родоначальниками последней были Каллисфен и не принимавший участия в походах царя Клитарх, собравший материал для книги об Александре уже после смерти завоевателя. Именно этим двум историкам, как предполагают ученые,⁴³ следовал псевдо-Каллисфен, автор позднеэллинистической «Истории Александра», дошедшей до нас в нескольких редакциях. Интерес к личности македонского правителя и огромный успех этого сочинения привели к тому, что легенды о великом завоевателе стали слагаться повсюду (знаменитые поэмы Фирдоуси

⁴² Heckel W., Yardley J. C. Alexander the Great: Historical Sources in Translation. Oxford, 2004. P. 120, s.v. Eumenes.

⁴³ Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. С. 23-25.

и Низами об Искандере мгновенно стали образцом средневековой персидской литературы на Востоке, и даже древняя Русь знала несколько «Александрий»), а их сюжет оставался открытым для изменений и добавлений. В основу романа об Александре легли, в том числе, и поддельные письма, сборники которых существовали уже во время жизни Плутарха.⁴⁴ Среди таких писем, например, полуфольклорные послания царя Аристотелю и своей матери Олимпиаде о чудесах Востока, переписка Александра с Дарием или, например, целиком дошедшие до нас письма Аристотеля своему ученику, которые не могут считаться надежными свидетельствами и, следовательно, привлекаться как доказательство тех или иных предположений об истинном образе полководца. Со временем многочисленные истории об Александре наполнялись все новыми и новыми деталями, обрастая фольклорными, зачастую сказочными мотивами, и развиваясь из жанра ареталогии в рыцарский роман, а образ самого завоевателя все сильнее отдалялся от реального Александра.

К сожалению, с дошедшими до нас историческими произведениями о македонском правителе дело обстоит так же непросто: портрет царя менялся в зависимости от задач, которые ставил перед собой тот или иной историк. Так, например, Аристокбул избрал апологетическую традицию в изображении Александра, а у Птолемея, стремившегося укрепить власть своей династии в Египте, были свои мотивы, очевидно, политического характера.⁴⁵ Несмотря на то, что Птолемей старался в своем рассказе придерживаться официальной версии и опирается, в первую очередь, на документальные свидетельства, он старается обходить многие проблемы и эпизоды, в которых Александр мог предстать в невыгодном свете. Вероятно, Птолемей, став царем Египта, задался целью написать такое сочинение, которое прославило бы Александра как основателя эллинистического царства, а его самого – как ближайшего

⁴⁴ Pearson L., *The Lost Histories of Alexander the Great*. Oxford, 1960. P. 258-259.

⁴⁵ Hammond M. *Arrian: Alexander the Great. The Anabasis and the Indica*. Introduction and Notes by Atkinson J. Oxford, 2013. P. xxx-xxxii.

сподвижника легендарного правителя. Таким образом, тенденцию в изображении Александра, избранную Птолемеем, можно, с одной стороны, считать апологетической, с другой – защищающей интересы самого автора.⁴⁶ То же можно сказать о сочинении Онесикрита, который стремился изобразить царя философом, разделявшим идеи киников.⁴⁷ Поскольку перечисленные выше произведения авторов современников Александра не дошли до нашего времени, нашим основным материалом являются писатели, жившие в эпоху Римской империи, в распоряжении которых находились сочинения первоисточники. Это Диодор Сицилийский (XVII книга), Страбон (XV-XVII книги), Квинт Курций Руф, Плутарх, Арриан и Юстин (XI-XII книги). Мы считаем необходимым подробнее остановиться на этих авторах, проследить их связь с первоисточниками и тенденцию, которой они придерживались.

Диодор посвятил Александру семнадцатую книгу своей «Исторической библиотеки». Его основным источником здесь был Клитарх из Александрии,⁴⁸ собравший материал для книги о великом завоевателе уже после его смерти. Важно отметить, что это сочинение принято относить к «вульгате» – очень распространенной, но малодостоверной версии биографии полководца.⁴⁹ Помимо Диодора, на «Историю Александра» Клитарха в своих сочинениях о македонском царе опирались также Курций Руф и Помпей Трог, чей труд об эпохе Александра, в свою очередь, лег в основу произведения Юстина.⁵⁰ Курций Руф и Юстин высказывали свое критическое отношение к Александру, подчеркивая его отрицательные черты его противоречивого характера. Так, например, Курций (VII, I, 22) пишет, что

⁴⁶ Heckel W., *The conspiracy against Philotas*. // Worthington I. (ed.). *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. London, 2012. P. 370-380. P. 375. Первая публикация статьи: *Phoenix* 31. Classical Association of Canada (1977), pp. 9–21.

⁴⁷ Brown T. S. *Onesicritus: A Study in Hellenistic Historiography*. 1949. P. 41.

⁴⁸ Heckel W. *Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford, 2006. P. 86, s.v. Cleitarchus.

⁴⁹ Heckel W., Yardley J. C. *Alexander the Great: Historical Sources in Translation*. Oxford, 2004. P. xxii.

⁵⁰ *Ibid.*

на пиру, когда Александр убил Клита, царь, разгорячившись от большого количества выпитого вина (*multo incaluisse mero*), начал непомерно расхваливать свои свершения (*inmodicus aestimator sui celebrare, quae gesserat, coerit*). У Юстина (или, вернее сказать, Помпея Трога) также можно увидеть отнюдь не приукрашенный портрет царя. Историк считает, что Александр, после того, как приписал себе божественное происхождение, стал еще более заносчивым и высокомерным (XI, 11, 3-12). Возможно, что эта критическая традиция в изображении македонского завоевателя восходила прямо к Клитарху. Ф. Шахермайр отмечает, что перед Клитархом стояла «чисто литературная задача», и автор, не будучи очевидцем событий, о которых он повествовал, опирался на «достаточно субъективные впечатления» Каллисфена и устный материал, а сам использовал острые контрасты в изображении своего героя, показывая не только положительные, но и отрицательные черты его характера.⁵¹ Тем не менее, Диодор Сицилийский, рассказывая об Александре, опирался не только на Клитарха. Далее мы рассматриваем одно из важных для нашей темы свидетельство о планах царя из восемнадцатой книги (*Diod. 18.4.4-6*), главным источником которой был друг и земляк царского секретаря Эвмена Иероним из Кардии.⁵² Дж. Хорнблауэр отмечает, что читатель, переходя от XVII к XVIII книге Диодора, немедленно понимает, что «отныне за повествование взялся серьезный и грамотный историк, цитирующий документы, обращающийся к статистическим данным, обходящий стороной слухи и не впадающий в занудное морализаторство».⁵³

Для «Географии» Страбона большое значение⁵⁴ имели труды Онесикрита, Аристулу и Птолема,⁵⁵ а также Эратосфена из Кирены,⁵⁶ чье

⁵¹Шахермайр Ф. Александр Македонский. Пер. с нем. М. Н. Ботвинника и Б. Функа. М., 1984. С. 94-96.

⁵² Pearson L., *op.cit.*, p. 262.

⁵³ Hornblower J. Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981. P. 107-108.

⁵⁴ Heckel W., Yardley J. C. , *op. cit.*, p. xxviii.

сочинение о географии, несомненно, повлияло и на Плутарха, когда он писал свой ранний трактат «О судьбе и доблести Александра». Сочинения Плутарха (жизнеописание полководца, второе по объему в его сборнике биографий, и сам трактат, сохранившийся не полностью), наряду с трудом Арриана, являются нашими основными источниками. Плутарх, судя по всему, брал материал для своих сочинений отовсюду, опираясь, с одной стороны, на труды историков Александра,⁵⁷ а с другой – на эллинистические сочинения и письма (определение подлинности которых представляет собой отдельную трудность), как сочиненные Александром, так и адресованные ему.⁵⁸ Сложность в использовании Плутарха для получения надежных сведений заключается также и в том, что оба его произведения об Александре не являются историческими в прямом смысле этого слова: трактат, несомненно, представляет собой риторическую декламацию,⁵⁹ а жизнеописание – особый, новаторский тип биографии.⁶⁰ Во вступлении к «Александру» (Alex. 1.2) Плутарх подчеркивает, что пишет именно жизнеописание, а не историю (οὐτε γὰρ ἱστορίας γράφομεν, ἀλλὰ βίους),⁶¹ и, задавшись целью передать, в первую очередь, черты характера (τὰ τῆς ψυχῆς σημεῖα) своего героя, он считает нужным опираться больше на анекдоты и изречения, чем на сухие сообщения о сражениях.⁶² Тем не менее, Плутарх цитирует Онесикрита, Каллисфена и Хареса, автора «Истории Александра»,

⁵⁵ О том, что географ относится к их сочинениям критически, отказываясь принимать некоторые их сведения, пишет Д. Дюек: Dueck D. *Strabo of Amasia: a Greek Man of Letters in Augustan Rome*. London, 2000. P. 186.

⁵⁶ Pearson L., *op.cit.*, p. 118.

⁵⁷ Beck M. *A Companion to Plutarch*. Oxford, 2014. P. 420.

⁵⁸ Шахермайр Ф., указ. соч., с. 99.

⁵⁹ Э. Бэдиан пишет, что если бы первая пара речей, написанная от лица Судьбы, сохранилась, было бы менее соблазнительно делать какие-то выводы о той паре, которая до нас дошла: Badian E. *Alexander the Great and the Unity of Mankind // Collected papers on Alexander the Great*, Ed. E. Badian, 2012. P. 1-19. P.9. Первая публикация статьи: *Historia* 7 (1958), 287-306.

⁶⁰ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра. Отв. ред. Гаспаров М. Л. "Наука", 1973. С. 258-259.

⁶¹ Аверинцев С. С., указ. соч., с. 42.

⁶² Hammond M. *Arrian: Alexander the Great. The Anabasis and the Indica. Introduction and Notes* by Atkinson J. Oxford, 2013. P. xxx.

обращаясь к последнему как к очевидцу множества важных событий (убийство царем Клита, попытка Александра ввести проскинезу, смерть Каллисфена).⁶³

Несколько иначе обстоит с Аррианом. Он, трудясь над объемным историческим сочинением о походах завоевателя, обращается к воспоминаниям свидетелей, чьи сообщения о кампании он считает наиболее достоверными, а именно к Птолемею и Аристубулу. Поскольку оба эти автора писали уже после смерти Александра, их можно было использовать как надежный в политических вопросах источник.⁶⁴ Историк, внимательно подходя к выбору материала, перепроверял свои основные источники и в тех случаях, когда сведений было недостаточно, обращался к другим – например, к эфемеридам (VII, 26).⁶⁵ Арриан задумал свой «Анабасис» как сочинение, которое превзойдет все предыдущие исторически труды об Александре в достоверности, о чем сам пишет в предисловии к первой книге (Arr. An. I. pr.3).⁶⁶ Историк изобразил царя, отчасти напоминающего гомеровского героя, отчасти – Геракла, каким его восхваляли стоики, отчасти – римских императоров.⁶⁷ Александр в «Анабасисе» выглядит идеальным правителем, талантливым полководцем и завоевателем, однако Арриан был не только хвалителем (каким он предстает в конце своего сочинения, защищая Александра), но и критиком царя.⁶⁸ Как отмечает Дж. Аткинсон, именно наличие критики (III, 18, 12; VII, 28-9), а также избегание автором одних тем и рационализаторский подход к другим доказывают, что «восхищение Арриана Александром имело предел».⁶⁹ Склонность к

⁶³ Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 2006. P. 83, s.v. Chares [2].

⁶⁴ Hammond M., op.cit., p. xxx-xxxii.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Stadter P. A. Arrian of Nicomedia. The University of North Carolina Press, 1980. P. 62-63.

⁶⁷ Ibid., p. 114.

⁶⁸ Bosworth A. B. From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation. Oxford, 2000 (=1988). P. 155.

⁶⁹ Hammond M. Arrian: Alexander the Great. The Anabasis and the Indica. Introduction and Notes by Atkinson J. Oxford, 2013. P. xxxv.

преувеличению достоинств царя могла, в свою очередь, восходить к Аристобулу, который в своем сочинении явно оправдывал сомнительные действия Александра.⁷⁰ Так, например, Клит объявлялся Аристобулом виновником собственной смерти (IV, 8, 9), а пажи сами признались в том, что Каллисфен был инициатором заговора Гермолая, и умер философ естественной смертью, хотя, по словам Птолемея, Каллисфена пытали и повесили (IV, 14, 1-3).⁷¹

Подводя промежуточный итог, мы можем отметить, что уже в самой ранней традиции (т. е., в первоисточниках) мы сталкиваемся с апологетической тенденцией в изображении Александра, которая спустя несколько веков смогла прочно закрепиться в литературе. Даже Арриан, чье сочинение об Александре А. Б. Босворт считает «самым полным и самым достоверным»,⁷² не смог устоять перед обаянием Александра, идеального правителя. Очевидно, что как подавляющее большинство современных научных работ о македонском завоевателе, так и все сочинения историков Александра в той или иной степени связаны с оценкой личности знаменитого полководца. В нашей работе мы используем отрывки из сочинений Плутарха и Арриана, один фрагмент Эратосфена у Страбона, а также место из XVIII книги Диодора, которые позволяют нам сделать некоторые предположения о целях Александра и мотивах его действий, так или иначе связанных с нашей темой. Примечательно, что в отрывках мы сталкиваемся с одними и теми же понятиями: ὁμόνοια (согласие) и κοινωνία (совместное участие македонцев и персов в управлении государством), φιλία (дружба), а также εὐνοια (преданность), которой Александр хотел добиться от покоренных народов. Помимо этого, большинство авторов пишут о различном смешении (как элементов одежды разных народов в царском наряде, так и разных народов в военных подразделениях). Можно

⁷⁰ Ibid., p. xxxiv.

⁷¹ Heckel W., op. cit. 294.

⁷² Bosworth A. B. From Arrian to Alexander: Studies in historical interpretation. Oxford, 2000. P. 13.

представить, что такие слова-лозунги могли попасть в сочинения по той причине, что ими пользовался царь. Хотя портрет Александра, разделявшего представление о единстве человечества, не находит убедительных подтверждений в дошедших до нас источниках, некоторые его действия и дошедшие до нас свидетельства о них позволяют предполагать, что царь *мог* стремиться к тому, чтобы все народы его огромного государства жили в согласии, и хотел объединить их.

Среди таких действий – сочетание Александром в своем наряде персидских и македонских элементов, слияние греков и коренного населения завоеванных им земель, пир в Опиде как символический жест примирения двух народов и произнесенная там молитва о совместном участии персов и македонцев в управлении государством, реформы военных подразделений и приказ учить персидских новобранцев греческому языку и письму, знаменитые браки между македонцами и персиянками в Сузах. Очевидно, что все эти действия Александра подразумевали отличное от привычного грекам отношение к варварам и, возможно, в какой-то мере были обоснованы идеями человечности и космополитизма.⁷³ Именно эти отрывки мы подробно рассматриваем и пытаемся проанализировать в следующем разделе.

Завершая эту главу, мы считаем важным упомянуть об еще одном виде источников. Мы располагаем нумизматическими свидетельствами об образе царя: он начал уделять особое внимание чеканке монеты уже с самого начала своего царствования, а к концу его жизни на территории его империи существовало, по крайней мере, 26 монетных дворов.⁷⁴ К сожалению, извлечь что-то существенное для нашей темы из таких свидетельств не представляется возможным. Стоит лишь отметить, что в разные времена на его монетах изображались греческие боги (Зевс-громовержец и Геракл в львиной шкуре на серебряных тетрадрахмах, а также крылатая Ника и Афина

⁷³ Baldry H. C., *op cit.*, p. 126.

⁷⁴ Dahmen K. *The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman coins*. NY, 2007. P. 108-111.

в коринфском шлеме на золотых статерах), но никогда не появлялись персидские атрибуты королевской власти, такие как, например, лук, зубчатый золотой венец или ахеменидская высокая тиара. На своих монетах Александр выглядит как македонский или эллинский воин и завоеватель Азии, а не как великий царь Персии.⁷⁵ Кажется, это может говорить в пользу того, что, даже если завоеватель действительно стремился объединить все человечество, то только под его собственной властью.

⁷⁵ Fredricksmeier E. Alexander the Great and the Kingdom of Asia. // Alexander the Great in Fact and Fiction, ed. A. B. Bosworth, E. J. Bayham, . Oxford, 2000. P. 136-165. P. 164-165.

V. Александр и идея единства человечества: разбор свидетельств.

1. «...бог является общим отцом всех людей»: божественное происхождение Александра

В предыдущей главе мы, анализируя развитие представления греков о единстве человечества, упомянули историю о паломничестве Александра к оракулу бога Аммона, который находился в оазисе Сива в Ливийской пустыне. Этому событию предшествовало завоевание полководцем в 322 г. Египта, куда он, по свидетельствам, вошел беспрепятственно (Arr. An. III, 1,2) и мирно (Diod. Sic. XVII, 49, 1—2), а местные жители приняли его радостно и торжественно, приветствуя, как долгожданного освободителя от персидского владычества (Curt. IV, 7, 1). В Мемфисе Александр принес жертвы разным богам, в том числе — покровителю города священному быку Апису, который почитался египтянами как воплощение бога Пта,⁷⁶ и, желая расположить к себе жрецов, приказал построить новые святилища.⁷⁷

Истинные намерения Александра, которые побудили его отправиться в оазис к святилищу Аммона, оспариваются учеными. Ф. Шахермайр предполагает,⁷⁸ что царь мог стремиться усмирить ливийцев, беспокоивших Египет своими набегами, или считал важным побывать в тех местах, где до него получили предсказания его предки Персей и Геракл, которым Александр стремился подражать (Arr. An. III, 3, 1—2). Возможно, что Александр преследовал политические цели: зная, что египетские фараоны возводили свое происхождение к богу Аммону, полководец задумал это путешествие, чтобы узаконить свою власть в Египте.⁷⁹ Не исключено, что

⁷⁶ Как отмечает Ф. Шахермайр, это жертвоприношение умышленно противопоставлялось кощунственным поступкам персидских царей, заколовших Аписа. См. Шахермайр Ф., указ. соч., с. 147.

⁷⁷ Fredricksmeier E. Alexander the Great and the Kingdom of Asia. // Alexander the Great in Fact and Fiction, ed. A. B. Bosworth, E. J. Baynham, . Oxford, 2000. P. 136-165. P. 145-146.

⁷⁸ Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 151.

⁷⁹ Heckel W., J. C. Yardley. Alexander the Great: Historical Texts in Translation. Oxford, 2004. P. 217.

мотивов было несколько,⁸⁰ однако, кажется вероятным, что главные причины были все-таки личные. К тому же, как пишет Юстин (XI, 11, 2—6), Александр стремился получить подтверждение и признание своей божественной сущности: Олимпиада говорила мужу о мистическом происхождении Александра, а Филипп, разведясь с ней, в последние годы открыто отрекался от своего сына. Наконец, кажется убедительным предположение Ф. Шахермайра, что царь испытывал муки совести, поскольку не продолжил политику своего отца,⁸¹ и хотел «приобрести нового отца» в лице Зевса-Аммона, тем самым укрепив авторитет в глазах своих подданных, добившись их беспрекословного себе подчинения.⁸²

Плутарх в жизнеописании Александра пишет, что история о признании царя сыном Зевса связана с оговоркой жреца Аммона. Последний обратился к Александру с приветствием ὦ παιδίον, но из-за того, что он произнес в конце слова ζ вместо ν, получилось ὦ παιδίος, и этой оговоркой царь остался доволен (Plut. Alex. XXVII, 7). Ссылаясь на сообщения большинства своих источников (Plut. Alex. XXVII, 8: οἱ πλεῖστοι γράφουσιν), Плутарх приводит еще одну версию события: Александр, придя к храму, был поприветствован как сын бога жрецом Аммона (ὁ μὲν προφήτης αὐτὸν ὁ Ἄμμωνος ἀπὸ τοῦ θεοῦ χαίρειν, ὡς ἀπὸ πατρὸς, προσεῖπεν).⁸³ Арриан же, рассказывая, что царь сам возводил свое происхождение к Аммону через Персея и Геракла, передает это событие со слов Аристобула (Arr. An III, 4, 5), сообщая лишь, что царю полученные в Сиве предсказания пришлись по душе (ὅσα αὐτῷ πρὸς θυμῷ ἦν).

⁸⁰ Hamilton J. R. Plutarch Alexander: A Commentary. Oxford, 1969. P. 69-70.

⁸¹ И. Уорthingтон придерживается похожей точки зрения, когда пишет, что Александр хотел затмить своего отца (This was part of his policy to eclipse his father, of course). Worthington I. Alexander the Great, Man and God. // Worthington I. (ed.). Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. London, 2012. P.328-334. P. 330.

⁸² Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 153.

⁸³ Версию, что Александр в святилище был поприветствован жрецом как сын Аммона, помимо Плутарха (Plut. Alex. XXVII.5), сообщают также Курций (IV, 7, 25) и Юстин (XI, 11, 7-8).

Далее в сочинении Плутарха следует место, которое У. Тарн рассматривал как одно из доказательств того, что Александр считал всех людей братьями («*a plain statement that all men are brothers*»)⁸⁴ О встрече Александра с философом Псаммоном Плутарх рассказывает сразу после описания событий в оазисе Сивы:

Plut. Alex. 27.10-11

λέγεται δὲ καὶ Ψάμμωνος ἐν Αἰγύπτῳ τοῦ φιλοσόφου διακούσας, ἀποδέξασθαι μάλιστα τῶν λεχθέντων, ὅτι πάντες οἱ ἄνθρωποι βασιλεύονται ὑπὸ θεοῦ· τὸ γὰρ ἄρχον ἐν ἐκάστῳ καὶ κρατοῦν θεῖόν ἐστιν· ἔτι δὲ μᾶλλον αὐτὸς περὶ τούτων <καὶ> φιλοσοφώτερον δοξάζειν [καὶ] λέγων ὡς πάντων μὲν ὄντα κοινὸν ἀνθρώπων πατέρα τὸν θεόν, ἰδίους δὲ ποιούμενον ἑαυτοῦ τοὺς ἀρίστους.⁸⁵

«Рассказывают и о том, что Александр, послушав в Египте философа Псаммона, из сказанного им более всего одобрил мысль, что над всеми людьми царствует бог: ведь в каждом человеке властвующее и руководящее начало происходит от бога. Сам же Александр об этих вещах рассуждал еще более мудро, говоря, что, хотя бог и является общим отцом всех людей, но только самых лучших он принимает как своих».

Э. Бэдиан убедительно доказал, почему из этого отрывка мы не можем извлечь никаких убедительных выводов, важных для нашей темы.⁸⁶ Несмотря на то, что У. Тарн подчеркивал особую важность первой части высказывания Александра (πάντων μὲν ὄντα κοινὸν ἀνθρώπων πατέρα τὸν θεόν), ясно, что Плутарх передает историю о Псаммоне как еще один пример родства Александра с богом, и поэтому для всего эпизода важнее скорее не

⁸⁴ Это утверждение У. Тарна цитирует Э. Бэдиан: Badian E., *Alexander the Great and the Unity of Mankind // Collected papers on Alexander the Great*, Ed. E. Badian, 2012. P. 1-19. P.2. Первая публикация статьи: *Historia* 7 (1958), 287-306.

⁸⁵ Греческий текст приводится по изданию *Plutarchi vitae parallelae*, vol. 2.2, 2nd ed. Ed. Ziegler K. Leipzig: Teubner, 1968.

⁸⁶ Предположения У. Тарна об этом отрывке из жизнеописания Александра последовательно опровергает Э. Бэдиан: Badian E., *op. cit.*, p. 2-3.

первая, а вторая часть слов царя (ιδίους δὲ ποιούμενον ἑαυτοῦ τοὺς ἀρίστους). Вся его фраза построена на противопоставлении (μὲν... δὲ), что делает невозможным «оторвать» первую мысль от другой, как это сделал У. Тарн, объявив, что здесь мы впервые встречаем идею всечеловеческого братства. Даже если предположить, что признание Александром бога отцом всех людей доказывает его веру в единство человечества, новизну в таком представлении усмотреть невозможно. Уже Гераклит (D-K В 114) писал, что все человеческие законы воспитываются одним божественным законом (τρέφονται γὰρ πάντες οἱ ἀνθρώπειοι νόμοι ὑπὸ ἐνὸς τοῦ θεοῦ).

Очевидно, что в намерения Плутарха не входило изобразить Александра, который разделял представление о всеобщем единстве. Александр, одоббив утверждение Псаммона, что всеми людьми управляет бог, ответил философу «более мудро», перефразируя гомеровскую формулу πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε. Г. Болдри пишет, что различие между «царем» и «отцом» для греков вряд ли было существенным, и поэтому за высказыванием Александра не следует видеть намеренное изменение фразы Гомера, которое подчеркивало бы разницу между Зевсом-правителем и Зевсом-отцом.⁸⁷ Э. Бэдиан остроумно предположил, что Александр здесь всего лишь подхватывает утверждение Псаммона в манере, естественной для человека, воспитанного в греческих традициях, и именно это добавление царя Плутарх называет «более мудрым» (φιλοσοφώτερον).⁸⁸ Примечательно, что ранее в своем трактате «О судьбе и доблести и Александра» (329а) Плутарх писал, что царь может считаться настоящим философом (εἰκότως ἂν φιλοσοφώτατος νομίζοιτο).

Л. Пирсон отметил, что Плутарх, описывая паломничество Александра в пустыню, пересказывает сообщение Каллисфена, который, чтобы добиться расположения царя и польстить его самолюбию, пишет о посещении

⁸⁷ Baldry H. C., op cit., p. 116-117.

⁸⁸ Badian E., op. cit., p. 2

Александром оракула в Сиве, сильно приукрашивая реальные события.⁸⁹ Страбон (Strab. XVII, 1, 43) критикует версию Каллисфена за льстивую манеру изложения (κολακευτικῶς) и избыток в его рассказе целиком фантастических событий, которые очевидец описывает чрезмерно торжественно, как будто в трагедии (προστραυφδεῖ). Помимо этого, важно, что о философе Псаммоне не известно ровно ничего: его имя встречается только в этом отрывке, и Дж. Р. Хэмилтон предположил, что Псаммон – видоизмененный вариант имени Аммон.⁹⁰

Учитывая дальнейшие действия Александра, остается признать, что лишь его слова о том, что «бог принимает как своих только самых лучших», остаются для нас самыми важными, ведь начиная с этого момента, Александр стал называть себя сыном (а не потомком) Зевса. Мы не можем точно сказать, как отнеслись к этому эллины, хотя они, по-видимому, приняли версию о божественном происхождении царя спокойно и сдержанно, но при этом, по большей части, скептически.⁹¹ Но большинство подчиненных не смогли принять обряд коленопреклонения, проскинезу (προσκύνησις), который Александр попытался ввести для своей свиты в 327 году, когда войско зимовало в Бактрии.

Для персов проскинеза была формой выражения почтения и символизировала величие царя, но для греков и, в особенности, македонцев она отождествлялась с почитанием бога.⁹² Кроме того, для эллинов этот обычай был эксцентричным, унижающим и оскорбляющим достоинство признаком восточного раболепства.⁹³ Даже Каллисфен, активно отстаивавший приемлемое для греческой культуры божественное

⁸⁹ Pearson L., *The Lost Histories of Alexander the Great*. Oxford, 1960. P. 35-37

⁹⁰ Мнение Дж. Р. Хэмилтона приводит в своей книге В. Хекель: Heckel W. *Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford, 2006. P. 234.

⁹¹ Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 156-157.

⁹² Bosworth A. B. *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*. Oxford, 2004 (=1996). P. 109.

⁹³ Green P. *Alexander of Macedon: a historical biography*. Foreword by E. N. Borza. London, 2013 (=1991). P. 373.

происхождение царя,⁹⁴ не смог смириться с его обожествлением, и в итоге заплатил за это своей жизнью (Curt. VIII, 6. 1.) так же, как Клит, убитый царем на пиру в Мараканде (Arr. An. IV, 8, 1-8).

Сложно сказать, была ли попытка царя учредить проскинезу одной из тех мер, которые он предпринимал, чтобы сблизить два разных народа, но открытое неприятие приближенными нового деспотического обряда (Curt. VIII, 5, 22) привело к тому, что Александр полностью отказался от своего нововведения. Тем не менее, при дворе до самой смерти царя сосуществовали два обычая, которые, на мой взгляд, не вписывались в возможные намерения царя сблизить иранцев и эллинов. Через несколько лет, уже после бракосочетаний в Сузах и примирительного пира в Описе, пропасть и непонимание между двумя культурами продолжала существовать. Плутарх рассказывает (Plut. Alex. 74, 5-6), как Кассандр, когда увидел, что варвары пали ниц перед царем, не смог сдержать смеха (ἐγέλασε προλετέστερον).

Интересным представляется вопрос, действительно ли сам Александр верил в свое божественное происхождение, или же сознательно пропагандировал эту веру, утверждая, тем самым, что его деяния превзошли подвиги самых выдающихся сынов Зевса, а его царский авторитет должен быть непререкаем, как божественный закон? Некоторые ученые, привлекая в качестве доказательства эпизод в Ливийской пустыне, попытку ввести обряд коленопреклонения, а также следование царем стопам Геракла и Диониса, считали,⁹⁵ что Александр (особенно к концу своей жизни) на самом деле

⁹⁴ Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 225-226.

⁹⁵ Среди них, например, И. Уорthingтон (op. cit., p. 333), А. Б. Босворт (op. cit., p. 131), Э. Фредриксмайр (Alexander's religion and divinity. // Worthington I. (ed.). Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. London, 2012. P. 335-356. P. 346. Первая публикация статьи: Brill's Companion to Alexander the Great. Ed. J. Roisman. Leiden, 2003. Chap. 10, pp. 253-278).

целиком уверовал в свое божественное происхождение, а некоторые утверждали обратное.⁹⁶

Особенно важно, на мой взгляд, что, Плутарх который много пишет о божественном происхождении царя в жизнеописании, упоминает о нем и в трактате «О судьбе и доблести Александра». По словам писателя (329c), Александр действительно верил в свою связь с богом, «считая себя пришедшим по воле божества всеобщим правителем и примирителем» (κοινὸς ἦκειν θεόθεν ἀρμοστής καὶ διαλλακτῆς τῶν ὅλων νομίζων). В этом сочинении Плутарх изображает Александра царем-философом, используя риторические приемы, постоянные преувеличения и возвышенный тон, полностью умалчивая о недостатках своего героя. Александр предстает перед читателем поборником космополитизма, но в жизнеописании образ царя (отчасти благодаря влиянию стоиков) становится более мрачным, а Плутарх последовательно подчеркивает, как царя портила его неограниченная власть.⁹⁷ Сравнив возвеличенное изображение царя с его сложным портретом в жизнеописании, мы задумываемся о причине такой перемены. М. Бек считает, что трактат Плутарха об Александре на самом деле обращен к римским императорам и государственным деятелям (Plutarch knew how to be indirect, or ironical, or discreet under imperial rule).⁹⁸

Подведем небольшой итог. Мы увидели, что у Плутарха Александр изображен не сторонником идеи родства всего человечества, а царем, который, считая своим отцом Зевса-Аммона, верил, что сам он был правителем, пришедшим по божественной воле, и утверждал, что бог приближает к себе только лучших из людей. В следующей главе мы

⁹⁶ Среди них, например, У. Тарн (W. W. Tarn. *Alexander the Great* 2. Appendix 22, 'Alexander's Deification' // Worthington I. (ed.). *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. London, 2012. P. 327. Первая публикация статьи: CUP, Cambridge. 1948, p. 370–373) и Э. Мейер, чье мнение, что свое божественное происхождение Александр изобрел для политических целей, приводит А. Б. Босворт (op.cit., p. 131).

⁹⁷ Beck M. *A companion to Plutarch*. Oxford, 2014. P. 500

⁹⁸ Ibid., p. 456-457.

подробно остановимся на свидетельстве Плутарха (329b-d), в котором Александр предстает всеобщим примирителем, смешивающим все человечество «в кратере дружбы», и сравним его с фрагментом Эратосфена у Страбона (Strab. I.4.9), где говорится, что царь, подобно богу, «приближал к себе лишь выдающихся (εὐδοκίμων) представителей разных народов».

2. «Ведь он не последовал совету Аристотеля...»:

Александр и Аристотель.

Важными для нашей темы являются отрывки из Плутарха и Страбона. Первый в своем трактате «Об удаче или доблести Александра» говорит о совете Аристотеля Александру, а второй передает слова Эратосфена, которые отчасти перекликаются с мыслями Плутарха. Оба автора упоминают некий совет Александру относительно того, как царю нужно было вести себя с эллинами и варварами. Важно, что в сочинении Плутарха этот совет приписывается Аристотелю, в то время как у Эратосфена имя философа не называется.

Ученые высказывали различные мнения по поводу этого совета Аристотеля, приводя доводы за или против того, что Плутарх и, возможно, Страбон пересказывают подлинное письмо философа. О том, что Аристотель писал Александру, сообщает Диоген Лаэртий (V, 22, 27), приписывая философу целых 4 книги писем к царю. Мариан Плезя, подготовивший издание свидетельств, отрывков и целиком дошедших до нас писем Аристотеля, занимает осторожную позицию. Ученый считает, что в то время как целиком дошедшие до нас письма, *epistulae integrae* (Epist.1—6), и некоторые фрагменты не имеют ничего общего с Аристотелем, а многие, хотя и соответствуют его словам, нуждаются в тщательном исследовании, некоторые фрагменты (например, E 7, 14, 15, 16, 17, которые мы находим у Деметрия) могут действительно восходить к Аристотелю.⁹⁹ Относительно

⁹⁹ Aristoteles. Privatorum scriptorum fragmenta. / Ed. M. Plezia. Leipzig, 1977. P. XIII.

текстов Плутарха и Страбона, которые важны для нашей темы (фрагменты ба и бб), М. Плезя не берется утверждать что-то определенное, отмечая, что в этом случае опасно делать какие-либо точные выводы.¹⁰⁰

Нас интересует следующее: действительно ли Плутарх в своем сочинении опирался на письмо Аристотеля, и, если да, было ли оно подлинным? В какой степени сказанное Плутархом восходит к Эратосфену? Наконец, возможно ли, что Эратосфен, говоря о совете, данном Александру, тоже подразумевает письмо Аристотеля? Для того, чтобы решить эти вопросы, необходимо проанализировать и сравнить два отрывка.

Обратимся сначала к сочинению Плутарха, в котором историк, пересказав основные идеи сочинения стоика Зенона, сравнивает их с замыслами и действиями Александра.

Plut. De Alex. 329b-d (F6.a)

οὐ γάρ, ὡς Ἄριστοτέλης συνεβούλευεν αὐτῷ, τοῖς μὲν Ἑλλησιν ἡγεμονικῶς τοῖς δὲ βαρβάροις δεσποτικῶς χρώμενος, καὶ τῶν μὲν ὡς φίλων καὶ οἰκείων ἐπιμελόμενος τοῖς δ' ὡς ζώοις ἢ φυτοῖς προσφερόμενος, πολέμων πολλῶν <καὶ> φυγῶν ἐνέπλησε καὶ στάσεων ὑπούλων τὴν ἡγεμονίαν, ἀλλὰ κοινὸς ἦκειν θεόθεν ἀρμοστής καὶ διαλλακτῆς τῶν ὄλων νομίζων, οὓς τῷ λόγῳ μὴ συνῆγε τοῖς ὄπλοις βιαζόμενος <καὶ> εἰς ταῦτ' οὐκ ἐνεγκὼν τὰ πανταχόθεν, ὥσπερ ἐν κρατῆρι φιλοτησίῳ μίξας τοὺς βίους καὶ τὰ ἦθη καὶ τοὺς γάμους καὶ <τὰς> διαίτας, πατρίδα μὲν τὴν οἰκουμένην προσέταξεν ἡγεῖσθαι πάντας, ἀκρόπολιν δὲ καὶ φρουρὰν τὸ στρατόπεδον, συγγενεῖς δὲ τοὺς ἀγαθοὺς, ἀλλοφύλους δὲ τοὺς πονηροὺς· τὸ δ' Ἑλληνικὸν καὶ βαρβαρικὸν μὴ χλαμύδι μηδὲ πέλτη μηδ' ἀκινάκη μηδὲ κἀνδύδι διορίζειν, ἀλλὰ τὸ μὲν Ἑλληνικὸν ἀρετῇ τὸ δὲ βαρβαρικὸν κακίᾳ τεκμαίρεσθαι, κοινὰς δ' ἐσθῆτας ἡγεῖσθαι καὶ τραπέζας καὶ γάμους καὶ διαίτας, δι' αἵματος καίτεκνων ἀνακεραυνυμένους.¹⁰¹

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Греческий текст приводится по изданию Plutarchi moralia, vol. 2.2. / Ed. Nachstädt, Leipzig: Teubner, 1935, repr. 1971.

«Ведь он (т.е. Александр — *Д. М.*) не последовал совету Аристотеля поступать с эллинами как предводитель, а с варварами как господин, и о первых заботиться как о друзьях и родных, а ко вторым относиться как к животным и растениям, и поэтому не наполнил свое царство множеством войн, изгнаний и созревающих исподволь междоусобиц; но, считая себя пришедшим по воле божества всеобщим правителем и примирителем, он тех, кого не мог собрать вместе с помощью слова, принудил силой, сведя вместе всех людей отовсюду, будто смешав в кратере дружбы жизни, нравы, брачные отношения и жизненные уклады. Он предписал всем считать своей родиной всю обитаемую землю, крепостью и защитой — свой лагерь, родственниками — добрых людей, чужаками — дурных. Он велел определять эллина не по хламиде и щиту, а варвара не по акинаку и кандию, но принадлежность к эллинам определять доблестью, а к варварам — низостью, и чтобы все люди, смешавшись между собой через кровное родство и потомство, считали общими одежду, еду, брачные обычаи и жизненные уклады».

Итак, мы видим, что учитель посоветовал своему ученику «поступать с эллинами как предводитель, а с варварами как господин, и о первых заботиться как о друзьях и родных, а ко вторым относиться как к животным и растениям». Доказывая существование письма Аристотеля царю, Э. Бэдиан обращает внимание и на время его возможного написания: вероятно, по мнению ученого, этот совет был дан учителем своему ученику, когда тот взошел на престол.¹⁰² Ученый также считает¹⁰³, что именно это место является ключевым для доказательства подлинности письма Аристотеля, которое, судя по всему, здесь имел в виду Плутарх. Основной довод Бэдиана — яркое сходство (вплоть до отдельных слов) этого фрагмента со словами Аристотеля в его «Политике» (1252b5-9). В своем сочинении философ писал,

¹⁰² Badian E. *Alexander the Great and the Unity of Mankind* // *Collected papers on Alexander the Great*, Ed. E. Badian, 2012. P. 1-19. P. 13. Первая публикация статьи: *Historia* 7 (1958), p. 287-306.

¹⁰³ *ibid.*, p. 14.

что отличие между рабом по природе и господином по природе так же велико, как разница между человеком и животным. Э. Бэдиан¹⁰⁴ отказывался возводить слова Плутарха к Аристотелю из-за того, что грубое сравнение варваров с растениями несовместимо с его философией и отказывались считать фразу ἡ φύσις восходящей к Аристотелю. Представляется наиболее возможным, что это сравнение (как и многие другие в отрывке) принадлежит самому Плутарху, который пишет риторическое сочинение и стремится к наибольшей выразительности. Есть и другое мнение: М. Флауэр, считая эти слова принадлежащими Аристотелю, пишет, что философ, вероятно, выразился здесь риторически, не уравнивая на деле варваров с животными и растениями, а лишь имея в виду способ обращения с ними.¹⁰⁵

Кажется, что единственным надежным доводом в пользу того, что за словами Плутарха лежит настоящее письмо Аристотеля, является сходство основной мысли этого совета с мыслями философа в «Политике». Может быть, одного этого аргумента недостаточно, чтобы с уверенностью говорить о подлинности письма? Нельзя исключать вероятности, что оно было написано кем-то другим, кто был отлично знаком с сочинениями Аристотеля: сам Э. Бэдиан, говорящий о совете философа, как о факте, отмечает, что в эпоху эллинизма многие подделывали письма выдающихся людей.¹⁰⁶

Если допустить, что поступать с эллинами «ἡγεμονικῶς», а с варварами — «δεσποτικῶς», и «о первых заботиться как о друзьях и родных, а ко вторым относиться как к животным» советовал Александру действительно Аристотель, мы можем извлечь из нашего отрывка следующие выводы. Ученик, отказавшись последовать совету учителя, захотел примирить разные народы под своей властью (κοινὸς ἀρμοστής καὶ διαλλακτής) и объединить их посредством смешения (μίξας τοὺς βίους καὶ τὰ ἤθη καὶ τοὺς γάμους καὶ <τὰς>

¹⁰⁴ *ibid.* p. 19.

¹⁰⁵ Flower M. Alexander and Panhellenism. // Alexander the Great in Fact and Fiction, ed. A. B. Bosworth, E. J. Baynham, . Oxford, 2000. P. 96-135. P. 121.

¹⁰⁶ Badian E., *op. cit.* P. 14.

διαίτας) в общем для всех отечестве, разделяя людей на греков и варваров по новому критерию (ἀλλὰ τὸ μὲν Ἑλληνικὸν ἀρετῇ τὸ δὲ βαρβαρικὸν κακία τεκμαίρεσθαι).

Даже если в сведениях Плутарха, учитывая замысел его сочинения, можно сомневаться, необходимо сопоставить этот отрывок с фрагментом Эратосфена у Страбона, как это уже это делали ученые, поскольку сходство двух свидетельств показательно.

Strab. I.4.9 (F6.b)

Ἐπὶ τέλει δὲ τοῦ ὑπομνήματος οὐκ ἐπαινέσας τοὺς δίχα διαιροῦντας ἅπαν τὸ τῶν ἀνθρώπων πλῆθος εἰς τε Ἑλληνας καὶ βαρβάρους καὶ τοὺς Ἀλεξάνδρῳ παραινῶντας τοῖς μὲν Ἑλλησιν ὡς φίλοις χρῆσθαι, τοῖς δὲ βαρβάροις ὡς πολεμίοις, βέλτιον εἶναί φησιν ἀρετῇ καὶ κακία διαρεῖν ταῦτα· πολλοὺς γὰρ καὶ τῶν Ἑλλήνων εἶναι κακοὺς καὶ τῶν βαρβάρων ἀστείους, καθάπερ Ἴνδούς καὶ Ἀριανούς, ἔτι δὲ Ῥωμαίους καὶ Καρχηδονίους οὕτω θαυμαστῶς πολιτευομένους. διόπερ τὸν Ἀλέξανδρον ἀμελήσαντα τῶν παραινῶντων ὅσους οἷόν τ' ἦν ἀποδέχεσθαι τῶν εὐδοκίμων ἀνδρῶν καὶ εὐεργετεῖν.¹⁰⁷

«В конце своего сочинения он (т. е. Эратосфен — *Д. М.*) не одобряя тех людей, кто разделял все множество людей на две части, эллинов и варваров, и тех, кто советовал Александру обращаться с эллинами, как с друзьями, а с варварами, как с врагами, говорит, что лучше разделять людей по хорошим и дурным качествам. Ведь как многие эллины порочны, так и многие варвары цивилизованны, как, например, индийцы и арианы, а также римляне и карфагеняне с их столь достойным восхищения государственным устройством. И поэтому Александр, не обратив внимания на тех, кто давал ему такие советы, приближал к себе как можно больше выдающихся представителей других народов и оказывал им beneficia».

¹⁰⁷ Греческий текст приводится по изданию Aristoteles. Privatorum scriptorum fragmenta. / Ed. M. Plezia. Leipzig, 1977.

Явное сходство этих двух текстов заключается в следующем: Александр не слушал людей, советовавших ему неодинаково обращаться с варварами и эллинами. Кроме этого, оба фрагмента построены на противопоставлении и контрасте: царь поступает вопреки советам, которые были даны ему, по-видимому, людьми из его ближайшего окружения, и проявляет себя настоящим правителем-философом. Эллины противопоставлены варварам, хорошие качества — дурным, дружеское отношение к подданным — тирании и недоверию. Если, вслед за Э. Шварцем, который первым возвел сказанное Плутархом к Эратосфену, предположить, что значительная часть раннего сочинения Плутарха восходит к географу, то изображение Александра как философа, отстаивающего идею единства человечества, восходит еще к III в. до н. э.¹⁰⁸ Ф. Шахермайр считает, что Плутарх многое почерпнул у Эратосфена, когда «писал свой первый, еще незрелый труд об Александре» и верил, что главной задачей царя было «принести людям согласие, мир и единение».¹⁰⁹

Тем не менее, ученые обращают внимание читателя на значительные различия¹¹⁰ между этими двумя текстами. Они отмечают¹¹¹, что даже бросающееся в глаза сходство между словами Эратосфена и свидетельством Плутарха с отсылкой к Аристотелю не может служить для нас решающим доказательством того, что все, сказанное Плутархом, полностью восходит к Эратосфену.

Во-первых, в то время как Плутарх указывает на Аристотеля (ὡς Ἀριστοτέλης συνεβούλευεν αὐτῷ), совет Александру у Эратосфена не имеет автора. В отрывке упомянуты только те, кто делил всех на эллинов и варваров (τοὺς δίχα διαίρουντας ἅπαν τὸ τῶν ἀνθρώπων πλῆθος εἰς τε Ἑλληνας καὶ βαρβάρους), и те, кто в том или ином виде советовал царю обращаться с

¹⁰⁸ Мнение Э. Шварца критикуют ученые, в том числе, Г. Болдри: см. Baldry H. C., op. cit., p. 114.

¹⁰⁹ Шахермайр Ф., указ. соч., с. 233.

¹¹⁰ Badian E., op. cit. P. 8.

¹¹¹ Baldry H. C., op. cit., p. 120.

эллинами и варварами неодинаково (τοὺς Ἀλεξάνδρῳ παραινούντας τοῖς μὲν Ἑλλήσιν ὡς φίλοις χρῆσθαι, τοῖς δὲ βαρβάροις ὡς πολεμίοις). Во-вторых, как видно из самих фрагментов, совет у Плутарха выглядит несколько иначе, чем у Страбона: Эратосфен не одобряет «тех, кто советовал Александру обращаться с эллинами, как с друзьями, а с варварами, как с врагами». Кажется, у нас нет достаточных оснований с уверенностью приписать этот анонимный совет Аристотелю, если речь заходит о фрагменте Эратосфена. Э. Бэдиан считает, что писатель мог почерпнуть такие мысли где угодно, к примеру, у Исократа или Демосфена.¹¹² Наконец, Плутарх объясняет нежелание Александра следовать совету учителя тем, что царь считал себя «пришедшим по воле божества всеобщим правителем и примирителем» (ἀλλὰ κοινὸς ἦκειν θεόθεν ἀρμοστής καὶ διαλλακτῆς τῶν ὅλων νομίζων), определяя «принадлежность к эллинам доблестью, а к варварам — низостью» (ἀλλὰ τὸ μὲν Ἑλληνικὸν ἀρετῇ τὸ δὲ βαρβαρικὸν κακίᾳ τεκμαίρεσθαι). Эратосфен же вместо некоей «божественной примирительной миссии» царя приводит иную причину, по которой Александр не стал «обращаться с эллинами, как с друзьями, а с варварами, как с врагами»: Эратосфен, как и Александр, считал, что должен быть иной критерий деления людей, «ведь многие варвары цивилизованны», и поэтому Александр и не слушал своих советчиков (διόπερ τὸν Ἀλέξανδρον ἀμελήσαντα τῶν παραινούντων).

По мнению большинства ученых, нельзя исключать вероятности, что Плутарх отчасти черпает сведения у Эратосфена. Такой точки зрения придерживаются, например, Г. Болдри, Э. Бэдиан, И. Уорthingтон, С. Свэйи. Вероятно, Плутарх действительно опирался на Эратосфена, однако у нас нет оснований считать текст Плутарха подробным пересказом слов географа.¹¹³ Плутарх, очевидно, учитывал сведения ученого о том, что касается

¹¹² Badian E., op. cit., p. 19.

¹¹³ Bosworth A. B. Alexander and the Iranians. // Worthington I. (ed.). Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. London, 2012. P. 286-312. P. 288. Первая публикация статьи: Journal of Hellenic Studies 100 (1980).

Александра.¹¹⁴ Имя Эратосфена появляется в трактате (Plut. De Alex. 330a) буквально через пару параграфов после нашего отрывка: Плутарх, ссылаясь на Эратосфена, рассказывает, как Александр «стал носить одежду, сочетавшую в себе персидское с македонским» (далее мы рассмотрим это место подробнее). В связи с этим кажется вероятным, что, если и Эратосфен писал об одежде царя, строки Плутарха о том, что эллина и варвара не надо определять по одежде, отсылают нас к нему.¹¹⁵ Мы знаем, что Плутарх опирался на множество различных источников, и его трактат об Александре был компиляцией идей и мыслей самых разных авторов (включая Эратосфена), нарочно переплетенных в риторической, цветистой прозе.¹¹⁶

Нам кажется наиболее вероятным, что Плутарх опирался на Эратосфена и, скорее всего, на подлинное письмо Аристотеля, свободно пересказывая оба источника и вплетая в свой трактат яркие сравнения.¹¹⁷ Некоторые ученые не исключают вероятности, что оба отрывка могут быть непосредственно связаны с письмом Аристотеля Александру. Так, Г. Кошеленко считает, что Плутарх и Эратосфен упоминают «Письмо Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам», дошедшее до нас в арабском переводе и написанное, согласно его предположению, Теофрастом или кем-то, кто не очень далеко отстоял по времени от Аристотеля и был хорошо знаком с его сочинениями.¹¹⁸ В этом письме (4.8) мы находим схожие с нашими фрагментами строки о том, что правитель не должен обращаться со своими подданными как с имуществом или стадом, но должен считать их своими родственниками и друзьями. Тем не менее, С. Свэйи предполагает, что это так называемое «арабское письмо» было

¹¹⁴ Swain S. Themistius, Julian and Greek Political Theory under Rome. Texts, Translations and Studies of Four Key Words. Cambridge, 2013. P. 117.

¹¹⁵ Badian E., op. cit. p. 10.

¹¹⁶ Baldry H. C., op.cit. p. 114.

¹¹⁷ Так же считает, например, Г. Болдри: Baldry H. C., op.cit., p. 119.

¹¹⁸ Кошеленко Г. Аристотель и Александр: к вопросу о подлинности "Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам". ВДИ (1), 1974. 22-44. С. 24-25.

написано во времена династии Северов.¹¹⁹ К тому же, как мы уже видели, советы Александру у Плутарха и у Эратосфена во многом отличаются друг от друга, что лишней раз мешает возвести эти тексты к какому-то общему источнику. Судя по всему, у нас нет достаточных оснований сомневаться в пересказе подлинного письма Аристотеля у Плутарха. Учитывая, насколько хорошо историк, по-видимому, знал работы Аристотеля, можно, вслед за Э. Бэдианом, предположить, что мы имеем дело с настоящим советом Аристотеля царю, в какой бы форме он ни был дан. Тем не менее, можно осторожно предположить следующее: Плутарх, свободно обращаясь со своими источниками (среди которых, вероятно, был Эратосфен), лишь приписал слова о варварах и эллинах Аристотелю, поскольку учитель будущего царя был самым подходящим кандидатом на роль автора анонимного совета на эту тему.

Подводя некоторый итог анализу этих двух отрывков, можно с осторожностью сказать, что изображение Александра у Плутарха вряд ли было достоверным. Даже если считать, что Плутарх пересказал подлинное письмо Аристотеля ученику, он сильно приукрасил один из своих основных источников (сочинение Эратосфена), добавив в трактат такие сведения, каких мы не найдем больше ни у кого из историков Александра. Важна, на мой взгляд, разница в изображении царя у Эратосфена и Плутарха. Если первый рассказывает нам, что Александр приближал к себе лишь выдающихся (εὐδοκίμων) представителей разных народов, то второй, сравнивая взгляды и действия царя с идеальным государством Зенона, пишет о полководце как о «всеобщем правителе и примирителе, смешивающим все человечество (πάντας) «в кратере дружбы» (ἐν кратῆρι φιλοτησίῳ)».

Ученые предполагают, что этот кратер связан с реальным сосудом¹²⁰ и отсылает нас к другому важному для нашей темы эпизоду, о котором

¹¹⁹ Swain S., op. cit., p. 122.

¹²⁰ О том, что У. Тарн отождествлял «кратер дружбы» с настоящим сосудом на пиру в Описе, пишет Г. Болдри: Baldry H. C., op. cit. p. 120.

подробно рассказывает один лишь Арриан (Arr.An.VII,11,8—9). Заострив внимание на этой выразительной метафоре Плутарха, перейдем к следующей главе.

3. «...добиваясь преданности с помощью смешения и сотрудничества...»: Александр и персы

Стремление Александра к объединению народов под своей властью находит подтверждение в наших источниках. Тем не менее, уже сами авторы подчеркивали, что его цель «смешать в кратере дружбы жизни, нравы, брачные отношения и жизненные уклады» была продиктована, в первую очередь, конкретными управленческими задачами, а не какими-либо философскими идеями. В этой главе мы рассмотрим некоторые из свидетельств, которые У. Тарн считал доказательством проведения Александром так называемой «политики смешения» (policy of fusion),¹²¹ а именно отрывки, в которых упоминается сочетание элементов одежды разных народов в царском наряде и ношение Александром персидской одежды, смешение персов и македонцев в армии, приказ обучать иранских юношей греческому языку и обращаться с македонским оружием, и, наконец, союз царя с бактрийской княжной Роксаной. Два других важных эпизода, пир в Описе и свадьбы в Сузах, которые также трактовались У. Тарном как примеры смешения народов, мы рассматриваем далее отдельно.

В предыдущей главе мы разбирали отрывок из трактата «О судьбе и доблести Александра», где Плутарх упомянул о предписании (προβέταξεν) царя «определять эллина не по хламиде и щиту, а варвара не по акинаку и кандию» (329c) и «считать общими одежду, еду, брачные обычаи и жизненные уклады» (329d). Акинак, короткий прямой меч, и пурпурный кандий, национальный персидский шерстяной кафтан с длинными широкими

¹²¹ Tarn W. W. Alexander the Great 1. Chap. II, The policy of fusion. // Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 283-285. Первая публикация статьи: CUP, Cambridge (1948), pp. 137–138 and 145-148.

рукавами, наряду с луком и щитом, считались символами власти мидийских и персидских царей.¹²² Примечательно, что далее Плутарх, ссылаясь на Эратосфена, сообщает (Plut. De Alex. 330a), что Александр отвергнул такие необычные и напыщенные элементы, присутствовавшие в варварской одежде (τὰ γὰρ ἕξαλλα καὶ τραγικὰ τοῦ βαρβαρικοῦ κόσμου παραιτησάμενος), а именно – кандий, тиару и штаны-шаровары (анаксириды), и сам начал носить более простое одеяние, в котором персидские элементы были смешаны с македонскими (ἐκ τοῦ Περσικοῦ καὶ Μακεδονικοῦ τρόπου μεμειγμένην τινὰ στολὴν ἐφόρει).

Диодор рассказывает, что Александр носил персидскую диадему, но отказался от анаксиридов и кандия (Diod. Sic. XVII, 78, 5). Арриан, не скрывая осуждения, пишет (Arr. An. IV.7.4), что царь, потомок Геракла, сменил македонскую одежду на мидийскую (Μηδικὴν ἀντὶ τῆς Μακεδονικῆς τε καὶ πατρίου Ἡρακλείδης ὧν μετέλαβεν), а также стал носить персидскую высокую тиару (τὴν κίταριν τὴν Περσικὴν). Несмотря на то, что далее Арриан переходит к рассказу о том, как победа над Персией испортила характер царя, сделав его необузданным (Arr. An. IV, 8–14), в седьмой книге историк, как будто бы, смягчает свое отношение и находит рациональные причины в склонности царя к варварским обычаям:

Arr. An. VII. 29.4

ὡς ἔμοιγε καὶ ἡ Περσικὴ σκευὴ σοφισμα δοκεῖ εἶναι πρὸς τε τοὺς βαρβάρους, ὡς μὴ πάντη ἀλλότριον αὐτῶν φαίνεσθαι τὸν βασιλέα, καὶ πρὸς τοὺς Μακεδόνας, ὡς ἀποστροφὴν τινα εἶναι αὐτῷ ἀπὸ τῆς ὀξύτητός τε καὶ ὕβρεως τῆς Μακεδονικῆς: ἐφ' ὅτῳ δὴ καὶ ἐγκαταμιξαί μοι δοκεῖ ταῖς τάξεσιν αὐτῶν τοὺς Πέρσας τοὺς μηλοφόρους καὶ τοῖς ἀγήμασι τοὺς ὁμοτίμους.¹²³

¹²² Gilley D. L. *Damn with Faint Praise: A Historical Commentary on Plutarch's De Fortuna aut Virtute Alexandri Magni*, 2009. P. 249.

¹²³ Греческий текст приводится по изданию Flavii Arriani quae exstant omnia, vol. I / Ed. Roos A. G., Wirth G. Leipzig, Teubner, 1967.

«Как мне кажется, и ношение персидской одежды было его специальным замыслом, имевшим в виду как варваров, чтобы не показаться чужим во всех отношениях царем, так и македонцев, чтобы у него был какое-нибудь средство от их резкости и дерзости. По-моему, ради этого же он примешал к македонским войскам мелофоров,¹²⁴ а к македонской гвардии – персидских гомотимов».¹²⁵

Арриан, упоминая о смешении войск, описывает изменения в армии Александра, которые произошли уже после событий в Описе, и, по словам А. Б. Босворта, сложно сказать, были ли эти реформы царя проведены для того, чтобы усмирить македонцев, или же они стали последствием прошедшего мятежа.¹²⁶ Хотя в свидетельстве и говорится о смешении подразделений, ясно, что теперь царская гвардия включала в себя два вида войск, которые всегда находились рядом друг с другом, но были легко различимы. Из отрывка также следует, что и ношение царем персидской одежды, и пополнение македонской агемы персидской гвардией были сознательно задуманы Александром, в первую очередь, для своей собственной выгоды, а не ради сближения двух народов. С другой стороны, даже если мы признаем, что такой прагматизм далек от «кратера дружбы», очевидно, что царь стремился, чтобы под его властью мирно сосуществовали, как минимум, два разных народа. Кажется, что и перенятие царем восточных элементов одежды свидетельствует, в том числе, о его живом интересе и симпатии к новой культуре, а не только лишь о стремлении поддерживать

¹²⁴ Мелофоры – пешие воины, составлявшие личную охраны персидского царя, вооруженные копьями, на наконечниках которых были позолоченные или серебряные шары в форме яблок. LSJ, s.v. μηλοφόρος.

¹²⁵ Под гомотимами (пользующимися равным почетом) Арриан подразумевает персидскую гвардию, воины в которую набирались из самых знатных родов, и поэтому могли считаться равными по значению македонской агеме. Этот термин применительно к персидскому войску появляется у Ксенофонта в "Киропедии" (X.Cyr.II.1.9; VII.5.85). LSJ, s.v. ὁμότιμος (2).

¹²⁶ Bosworth A. B. Alexander and the Iranians. // Worthington I. (ed.). Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. London, 2012. P. 286-312. P. 293. Первая публикация статьи: Journal of Hellenic Studies 100 (1980).

свой авторитет среди иранских подданных с помощью помпезного церемониала.¹²⁷ Помимо этого, примечательны, на наш взгляд, решения царя включить представителей побежденных народов в свои привилегированные военные контингенты, а молодых воинов с Востока, которых Александр стал называть эпигонами (οὓς Ἐπιγόνους ἐκάλει Ἀλέξανδρος), обучить сражаться македонским оружием (Arr. An. VII.6.1). Вот как описывает эти и другие нововведения Александра Плутарх:

Plut. Alex. 47, 5-8.

Οὕτω δὴ καὶ τὴν δίαιταν ἔτι μᾶλλον ὁμοίου τε τοῖς ἐπιχωρίοις ἑαυτόν, ἐκείνους τε προσῆγε τοῖς Μακεδονικοῖς ἔθεσιν, ἀνακράσει καὶ κοινωνία μᾶλλον δι' εὐνοίας καταστήσεσθαι τὰ πράγματα νομίζων ἢ βία, μακρὰν ἀπαίροντος αὐτοῦ. διὸ καὶ τρισμυρίους παῖδας ἐπιλεξάμενος ἐκέλευσε γράμματά τε μαθάνειν Ἑλληνικὰ καὶ Μακεδονικοῖς ὅπλοις ἐντρέφεσθαι, πολλοὺς ἐπιστάτας καταστήσας, καὶ τὰ περὶ Ῥωξάνην ἔρωτι μὲν ἐπράχθη, καλὴν καὶ ὠραίαν ἔν τινι χορῶ παρὰ πότον ὀφθεῖσαν, ἔδοξε δ' οὐκ ἀνάρμοστα τοῖς ὑποκειμένοις εἶναι πράγμασιν. ἐθάρρησαν γὰρ οἱ βάρβαροι τῇ κοινωνίᾳ τοῦ γάμου... <>¹²⁸

«В этих обстоятельствах он еще сильнее начал приспособливать как свой образ жизни к местным жителям, так и местные нравы к македонским, ведь он, собираясь отправиться в далекий поход, полагал, что он скорее укрепит свое положение, добиваясь преданности с помощью смешения и сотрудничества, чем действуя силой. И поэтому он, набрав тридцать тысяч мальчиков, приказал, чтобы они выучились читать и писать по-гречески и освоили македонское оружие, назначив для этой цели многих наставников. И хотя бракосочетание с Роксаной было следствием вспыхнувшей страсти, когда он увидел ее в цвете красоты танцующей в хороводе, было очевидно,

¹²⁷ *ibid.*

¹²⁸ Греческий текст приводится по изданию *Plutarchi vitae parallelae*, vol. 2.2, 2nd edition. Ed. Ziegler K. Leipzig, Teubner, 1968.

что этот брак отнюдь не нарушал его главных замыслов. Ведь этот союз, заключенный с помощью брака, воодушевил варваров...».

Этот отрывок – единственный в жизнеописании Александра, где Плутарх говорит о попытках царя достичь *κοινωνία* и *ἀνάκρασις*.¹²⁹ В раннем трактате Плутарх писал (329с) о смешении царем разных (*πανταχόθεν*) народов в кратере дружбы (*ᾧσπερ ἐν κρατῆρι φιλοτησίῳ μίξας*), но теперь мы читаем, что Александр пытался действовать в соответствии с текущими обстоятельствами и ставил перед собой конкретные управленческие задачи. Царь верил (*νομίζω* + Inf.), что он сможет укрепить положение дел в своем государстве (*καταστήσεσθαι τὰ πράγματα νομίζων*) и предотвратить как столкновения двух основных его народов, приспособив их нравы друг к другу, так и возможные мятежи.

Слова *οὕτω δὴ καὶ* в самом начале отрывка отсылают нас к событиям, произошедшим в 330 году: Плутарх сообщает, что именно тогда, когда войско царя отдыхало в Парфии после экспедиции в Гирканию (Plut. Alex, 45, 1), Александр впервые надел варварскую одежду. В то время перед «царем Азии»¹³⁰ стояло сразу несколько очень серьезных проблем. Во-первых, у Александра появился опасный противник Бесс, родственник Дария, провозгласивший себя царем Артаксерксом и стягивавший в Бактрию своих союзников (Arr. An. III, 25, 3). Александру, в это время остро нуждавшемуся в подкреплении, необходимо было всеми доступными способами показать своим новым подданным, что он был не просто чужеземным завоевателем, но настоящим законным правителем, которого поддерживала персидская аристократия. С другой стороны, он не мог допустить враждебной реакции македонцев на его новые реформы, в которых проявлялась явная симпатия царя к восточным обычаям и нравам.

¹²⁹ Bosworth A. V., op. cit., p. 289.

¹³⁰ О том, что Александр был провозглашен царем Азии, *βασιλεὺς τῆς Ἀσίας*, сообщает Плутарх (Alex. 34, 1), а Арриан передает текст письма Александра Дарию, в котором полководец велит отныне обращаться к нему *ὡς πρὸς βασιλέα τῆς Ἀσίας* (Arr. II, 14, 8-9).

Таким образом, смешение персидских и македонских элементов в своей одежде было одним из тех компромиссов,¹³¹ о которых упоминает Арриан (An. VII. 29.4).

Стоит отметить, что среди всех историков только Плутарх пишет, что эти преобразования Александра были задуманы им для укрепления своего государства с помощью смешения и сотрудничества: сочинения, восходящие к так называемой вульгате, упоминают совершенно иные мотивы царя.¹³² Так, например, Диодор (XVII, 109, 1-3) сообщает, что царь обучал персидских юношей для того, чтобы создать отряд, который можно было бы противопоставить (ἀντίταγμα) македонской армии, которая отказалась идти за Ганг. Об обучении этих юношей царь распорядился еще в 327 году, готовясь выступить в Индию. К этому времени пополнение его войска из Македонии уже прекратилось, а сам Александр находился в тяжелых условиях из-за нехватки воинов после окончания сложной войны со Спитаменом (в течение которой (Arr. An. IV, 17, 3) царь впервые присоединил к своей армии контингенты из Согдианы и Бактрии).¹³³ Ф. Шахермайр считал, что в своей новой армии Александр видел средство для «внутренней политики ассимиляции»,¹³⁴ однако, большинство ученых сегодня не принимают такую точку зрения. По мнению Э. Фредриксмайра, новая персидская антитагма уравнивала македонскую фалангу и уменьшала зависимость царя от последней.¹³⁵ Похожее суждение высказывает А. Б. Босворт. Он пишет, что принятие Александром иранцев в свои подразделения уже тогда должно было дать македонцам понять, что царь больше не зависел от них всецело, а мог найти поддержку и среди других народов.¹³⁶ Ученый утверждает, что преобразование царем его армии можно назвать скорее политикой

¹³¹ Bosworth A. B., op. cit., p. 291-292.

¹³² Ibid., p. 301.

¹³³ Gilley D. L., op. cit., p. 47.

¹³⁴ Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 302.

¹³⁵ Fredricksmeier E. Alexander the Great and the Kingdom of Asia. // Alexander the Great in Fact and Fiction, ed. A. B. Bosworth, E. J. Baynham., Oxford, 2000. P. 136-165. P. 155.

¹³⁶ Bosworth A. B., op. cit., p. 300-301.

разделения (policy of division). Конница гетайров была пополнена знатными юношами, сыновьями персидских сатрапов, безукоризненно служивших Александру на протяжении всего его правления. Среди них были, например, сын Артабаза, назначенного Александром сатрапом Бактрии, два сына Мазея, сатрапа Киликии, два сына Фратаферна, сатрапа Парфии и Гиркании, а также родной брат Роксаны, сын Оксиарта, сатрапа Паропамисад (Arr. An. VII, 6, 3–5). Царь приказал, чтобы они «освоили македонское оружие», и чтобы им вместо варварских метательных копий были выданы македонские (δώρατα Μακεδονικὰ ἀντὶ τῶν βαρβαρικῶν μεσαγύλων). Таким образом, они были удалены от своего привычного окружения в сатрапиях, а в глазах земляков они превратились в завоевателей, прикрепленных ко двору Александра.¹³⁷ Кроме этого, даже если царь стремился добиться ὁμόνοια и κοινωνία в своей армии, македонцы с неприязнью и огорчением отнеслись к новым реформам «уравнивания» (Plut. Alex. 71.1), закономерно опасаясь, что Александр теперь будет уделять им меньше внимания (ἤττον αὐτοῖς τοῦ βασιλέως προσέξοντος). Этот и другие факты заставили А. Б. Босворта предположить, что мы имеем дело не с политикой слияния, а с тенденцией царя противопоставлять иранцев македонцам, вызывая у них взаимное друг к другу недоверие.¹³⁸

Э. Бэдиан обращает внимание еще на один факт: Арриан (Arr. An, VII, 12, 2) рассказывает, что после примирения полководца со своими воинами в Опесе, Александр, отпуская их домой с большим жалованьем, велел оставить при нем их детей от иранских женщин, чтобы в Македонии из-за этого не возник раздор. Сам же царь намеревался во всем воспитать их в македонских традициях и приготовить к военному делу (αὐτὸς δὲ ἐπιμελήσεσθαι ὡς ἐκτρέφοντο Μακεδονικῶς τὰ τε ἄλλα καὶ ἐς τὰ πολέμια κοσμούμενοι). Ученый полагает, что главной целью Александра могло быть создание

¹³⁷ Ibid., p. 297

¹³⁸ Ibid., p. 301.

многонациональной армии, состоящей из воинов, не привязанных к дому и верных только ему.¹³⁹

Стоит отдельно остановиться и на приказе царя учить греческому языку и письму своих новобранцев. Мы знаем, что так он поступал с побежденными и раньше: Диодор рассказывает (Diod. Sic. XVII, 61, 1), что, когда Александр оставил мать, дочерей и сына Дария в Сузах, он распорядился, чтобы их обучали греческому языку. В рассматриваемом нами отрывке (Plut. Alex. 47, 6) говорится, что царь приказал, чтобы его новые воины с Востока выучились читать и писать по-гречески (ἐκέλευσε γράμματά τε μάθάνειν Ἑλληνικὰ). По-видимому, как отмечает Ф. Шахермайр, греческий должен был стать официальным языком нового государства.¹⁴⁰ Кажется, здесь никакого вывода о стремлении царя к единству человечества (такому, каким его описывал Плутарх, говоря о смешении «в кратере дружбы жизней, нравов, брачных отношений и жизненных укладов»), сделать невозможно. Ясно, что смешение было односторонним, и царь, хотя и пытался приучить земляков к восточным обычаям и традициям, не смог добиться своего. Мы знаем, что из всего окружения Александра один лишь македонец Певкест, после своего назначения сатрапом Персиды в 324 г., перенял¹⁴¹ восточное платье и выучил персидский язык, чем вызвал одобрение Александра (Arr. An. VI, 30, 2–3).

Остается теперь рассмотреть последний пример политики ἀνάκρασις и κοινωνία, о которой говорит Плутарх, а именно – союз Александра с Роксаной, который «воодушевил варваров». Так же, как Арриан (Arr. An. IV, 19, 5), Плутарх пишет, что царь действительно

¹³⁹ Badian E. Alexander the Great and the Loneliness of Power. // Collected papers on Alexander the Great, Ed. E. Badian, 2012. P. 96-105. P. 103. Первая публикация статьи: Australasian Universities Modern Languages Association (1962), p. 80–91.

¹⁴⁰ Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 215.

¹⁴¹ А. Б. Босворт (op. cit., p. 296) обращает внимание на параллельное место у Диодора (Diod. XIX, 14.5), где сказано, что из всех македонцев Александр позволил носить персидское платье только одному Певкесту (αὐτῷ μόνῳ Μακεδόνων συχωρήσαι Περσικὴν φορεῖν στολήν).

влюбился в бактрийскую княжну. хотя и добавляет, что их брак не нарушал главных замыслов царя (ἔδοξε δ' οὐκ ἀνάρμοστα τοῖς ὑποκειμένοις εἶναι πράγματι). Ф. Шахермайр считает, что государственное значение союза заключалось в желании Александра символически воплотить «идею взаимопонимания и взаимопроникновения народов» и стать для своих приближенных образцом для будущего единения народов.¹⁴² Если допустить, что царь руководствовался такими замыслами, нельзя исключать и другой, более правдоподобной цели этого бракосочетания. Роксана была дочерью влиятельного бактрийского вельможи Оксиарта, а Александру, недавно покорившему Среднюю Азию и намеревавшемуся продвигаться дальше на Восток, важно было заручиться поддержкой местной знати.¹⁴³ По мнению Э. Карни, брак Александра с Роксаной был не таким угрожающе непопулярным для македонцев событием, каким могла стать его женитьба на дочери Дария Статире в 330 г. Если его брак с бактрийской девушкой был похож на один из многочисленных и относительно кратковременных союзов Филиппа, которые тот заключал в дипломатических интересах, то брак с дочкой царя из династии Ахеменидов землякам Александра в то время был бы крайне неприятен, и он решился взять в жены Статиру лишь через несколько лет, когда в 324 году устроил в Сузах массовые бракосочетания.¹⁴⁴

¹⁴² Шахермайр Ф. Указ. соч., с. 212

¹⁴³ Hamilton J. R. Plutarch Alexander: A Commentary. Oxford, 1969. P. 129-130.

¹⁴⁴ Carney E. D. Women and Monarchy in Macedonia. Norman, 2000. P. 112.

4. «...молился о прочих благах и о согласии македонцев и персов и их совместном участии в управлении государством»: Пир в Опесе

Одним из ключевых эпизодов для нашей темы является примирительный пир, устроенный Александром в 324 г. в Опесе, городе, который некогда был столицей одной из провинций Вавилонского царства и располагался на восточном берегу Тигра приблизительно в восьмидесяти километрах к северу от Вавилона. К этому времени отношения Александра со своими македонскими подданными подверглись двум серьезным испытаниям: во-первых, царь вызвал сильное недовольство у своих гетайров и солдат насильственными браками в Сузах, а, во-вторых, земляки полководца были обеспокоены зачислением персов в войска.¹⁴⁵

С тех пор, как десять лет назад Александр начал свой поход, структура армии очень изменилась. Поскольку последнее существенное подкрепление из Македонии прибыло в сильно поредевшую армию зимой 329/8 г.,¹⁴⁶ когда войско зимовало в далекой Бактрии, Александр был вынужден полагаться на своих новобранцев из Азии (эпигонов), которые, по его приказу в 327 г., составили вторую армию – антиагему. Наконец, македонцы желали как можно скорее с триумфом вернуться на родину, но царь об этом пока и не помышлял. К тому же, воины опасались, что они больше не нужны своему полководцу, который, судя по всему, решил продолжить поход без них и всецело опереться на новое иранское войско, недавно прибывшее в Сузы.¹⁴⁷

Все это недовольство вылилось в масштабную ссору полководца со своими солдатами, которая произошла на войсковом собрании, где царь объявил македонцам, что он освобождает ветеранов от дальнейшей службы и

¹⁴⁵ Heckel W. The Wars of Alexander the Great, 336-323 B.C. Essential histories. Oxford, 2002. P. 68-69.

¹⁴⁶ Hammond M. Arrian: Alexander the Great. The Anabasis and the Indica. Introduction and Notes by Atkinson J. Oxford, 2013. P. 266.

¹⁴⁷ Шахермайр Ф., указ. соч., с. 297-298.

отсылает их домой. Наиболее подробно события в Описе передает нам Арриан (Arr. An. VII. 8-12).¹⁴⁸ Плутарх немногословен: ссоре в Описе автор уделяет лишь одну небольшую главу (Plut. Alex., 71), а о последующем за ссорой торжественном пире не говорит вовсе, упомянув лишь, что Александр смилостивился над вчерашними мятежниками и приказал отпустить на родину воинов, которые больше не могли принимать участие в походе, наделив их особыми привилегиями и щедро наградив.

Ничего о примирительном торжестве не передают нам ни Диодор (17.109.1–3), ни Курций Руф (10.2.8–14). Арриан, однако, счел весь эпизод в Описе важным: он подробно описал как мятеж воинов, так и их мотивы, передал речь царя, произнесенную во время мятежа македонских солдат, а также трогательную сцену примирения Александра со своим войском и дальнейшее пиршество. Э. Бэдиан подчеркивает,¹⁴⁹ что Арриан считал необходимым рассказать, в первую очередь, о самой ссоре, описанию которой он посвятил три с половиной главы седьмой книги.

Историк подробно передает, как царь, услышав, по-видимому, немало дерзких реплик от своих подданных (среди которых, например, было предложение распустить всех солдат и воевать дальше вместе со своим отцом Аммоном), тут же приказал схватить и казнить смутьянов, а сам произнес длинную речь, полную чувства досады и негодования.

Сначала Александр говорил о Филиппе (VII, 9, 1-5): его отец взялся за управление страной, чье население состояло из бродяг из бедняков (*παραλαβὸν ὑμᾶς πλανήτας καὶ ἀπόρους*), и превратил македонцев в достойных противников (*ἀξιωμαχοῦς καταστήσας τοῖς προσχώροις τῶν βαρβάρων*) и владык

¹⁴⁸ Рассказ Арриана о случившейся в Описе ссоре царя со своим войском восходит к Птолемею, который был свидетелем этих событий. Тем не менее, речь Александра переполнена вставками и вольного дополнениями самого Арриана. Об этом см.: Hammond M. Arrian: Alexander the Great. The Anabasis and the Indica. Introduction and Notes by Atkinson J. Oxford, 2013. P. 319.

¹⁴⁹ Badian E., Alexander the Great and the Unity of Mankind // Collected papers on Alexander the Great, Ed. E. Badian, 2012. P. 1-19. P. 3. Первая публикация статьи: Historia 7 (1958), 287-306.

(ἡγεμόνας) соседних варваров, сделал покорными (ἐταπείνωσεν) Македонии афинян и фиванцев, а сам был провозглашен полновластным вождем всей Эллады в походе на персов (ἡγεμὼν αὐτοκράτωρ συμπάσης τῆς ἄλλης Ἑλλάδος ἀποδειχθεὶς τῆς ἐπὶ τὸν Πέρσῃν στρατιᾶς).

Затем (VII, 9, 6-9) Александр перешел к славным трудам, которые царь разделил со своими македонцами, признав дела своего отца ничтожными по сравнению с их новыми свершениями (ὥς μὲν αὐτὰ ἐφ' ἑαυτῶν σκέψασθαι μεγάλα, μικρὰ δὲ ὡς γε δὴ πρὸς τὰ ἡμέτερα ζυμβαλεῖν). Упомянув, что прежде у Македонии было много долгов, а теперь ей, благодаря Александру, принадлежали самые богатые земли, царь подчеркнул, что сам он для себя не приобрел ничего (κέκτημαι δὲ ἰδίᾳ οὐδέν).

Александр хотел показать, как он любил своих воинов и заботился о них (VII, 10, 1-4): перечисляя свои многочисленные раны, он сказал, что сражался, прежде всего, за своих воинов, за их славу и богатство (ὕπὲρ ὑμῶν καὶ τῆς ὑμετέρας δόξης καὶ τοῦ ὑμετέρου πλούτου). Царь оплатил их долги (ἔτι δὲ ὧ χρέα ἦν...διαλέλυμαι ταῦτα), одарил почетными золотыми венцами за доблесть (μνημεῖα τῆς τε ἀρετῆς τῆς ὑμετέρας καὶ τῆς ἐξ ἐμοῦ τιμῆς), заключил такой же, как и они, брак (γάμους τε ὑμῖν τοὺς αὐτοὺς γεγάμηκα), после которого их дети в будущем становились родственниками его детям.

Язвительно предложив (VII, 10, 5-7) воинам вернуться домой и там рассказать, что они оставили его, своего доброго царя и выдающегося полководца, в Сузах под охраной побежденных варваров (παραδόντες φυλάσσειν τοῖς νενικημένοις βαρβάροις), Александр распустил собрание.

Хотя мы знаем, что Арриан был аккуратен в выборе источников и, используя их, стремился к наибольшей объективности,¹⁵⁰ длинную речь Александра он превратил в эмоциональную театральную декламацию: судя по всему, слова полководца были переданы источниками настолько схематично и кратко, что Арриан был вынужден привнести в речь свои

¹⁵⁰ Hammond M., op. cit., p. xxviii-xxxі.

детали.¹⁵¹ Так, например, А. Б. Босворт, доказывая, что эта речь изобилует традиционными для риторики клише,¹⁵² выделяют в ней различные фигуры, отсылки Арриана к «Анабасису» Ксенофонта и самоцитирование.

Тем не менее, подлинные слова царя, по-видимому, произвели на войско такое же сильное впечатление, какое производит на читателя их передача Аррианом. Взаимная обида после этой речи и предшествующего ей мятежа была настолько велика, что Александр несколько дней провел в уединении, не показываясь никому на глаза, а македонцы почувствовали себя потерянными и беспомощными. Кульминацией ссоры стали приказ полководца составить новую армию из людей Востока, а также передача командования войском знатным персам, которых теперь Александр причислил к «родственникам» (συγγενεῖς), имевших право на поцелуй царя. Македонцы пришли к царю, умоляя о прощении, и Александр, успокоив их ревность, объявил воинам, что всех их он считает своими родственниками, и позволил каждому желающему получить от него поцелуй (Arr. An. 7.11.1-7). Примирительный пир, состоявшийся сразу после этих событий, Арриан описывает так:

Arr. An. VII, 11, 8-9

Ἄλέξανδρος δὲ ἐπὶ τούτοις θυσίαν τε θύει τοῖς θεοῖς οἷς αὐτῷ νόμος καὶ θοίνην δημοτελεῖ ἐποίησε, καθήμενός τε αὐτὸς καὶ πάντων καθημένων, ἀμφ' αὐτὸν μὲν Μακεδόνων, ἐν δὲ τῷ ἐφεξῆς τούτων Περσῶν, ἐπὶ δὲ τούτοις τῶν ἄλλων ἔθνῶν ὅσοι κατ' ἀξίωσιν ἢ τινα ἄλλην ἀρετὴν πρεσβευόμενοι, καὶ ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ κρατῆρος αὐτὸς τε καὶ οἱ ἀμφ' αὐτὸν ἀρυόμενοι ἔσπενδον τὰς αὐτὰς σπονδὰς καταρχομένων τῶν τε Ἑλλήνων μάντεων καὶ τῶν Μάγων. εὐχέτο δὲ τὰ τε ἄλλα ἀγαθὰ καὶ ὁμόνοιαν τε καὶ κοινωνίαν τῆς ἀρχῆς Μακεδόσι καὶ Πέρσαις.¹⁵³

¹⁵¹ Bosworth A. B. From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation. Oxford, 2000 (=1988). P. 134

¹⁵² *ibid.*, p. 101-113, 127.

¹⁵³ Греческий текст приводится по изданию Flavii Arriani quae exstant omnia, vol. I / Ed. Roos A. G., Wirth G. Leipzig, Teubner, 1967.

«Александр же за случившееся примирение совершил жертвоприношение тем богам, каким обычно приносил жертвы, и устроил общий пир, на котором сидел он сам и все остальные, вокруг него – македонцы, за ними по порядку персы, а после них представители остальных народов, которые были почитаемы за знатность или за другие заслуживающие поощрения качества; сам Александр и те, кто сидел вокруг него, черпая из одного кратера, совершали одни и те же жертвенные возлияния, которые начали эллинские прорицатели и маги. Царь молился о прочих благах и о согласии македонцев и персов и их совместном участии в управлении государством».

На основании этого отрывка У. Тарн предположил, что Александр мечтал о том, чтобы все народы известного ему мира могли жить вместе в согласии и единстве, а в произнесенной им молитве отразилась его вера в свое предназначение, данное богом, стать всеобщим примирителем.¹⁵⁴ Э. Бэдиан убедительно опровергает¹⁵⁵ такую трактовку эпизода в Описе, считая предложенный британским ученым вариант перевода ошибочным. Стремление царя к единству «всего человечества» У. Тарн усматривает в его молитве на пиру (εὔχεται δὲ τὰ τε ἄλλα ἀγαθὰ καὶ ὁμόνοιαν τε καὶ κοινωσίαν τῆς ἀρχῆς Μακεδόσι καὶ Πέρσαις) и выделяет ὁμόνοιαν как отдельную просьбу в молитве царя, предлагая понимать это слово как независимое, отрывая его от необходимого датива, к которому, как замечает Э. Бэдиан, строго присоединил его сам Арриан. Правильный перевод, который мы отразили в тексте, предполагает, что датив Μακεδόσι καὶ Πέρσαις относится как к ὁμόνοιαν, так и к κοινωσίαν τῆς ἀρχῆς, связанных между собой посредством τε

¹⁵⁴ Tarn W. W., Alexander the Great 1. Chap. II, 'The Mutiny at Opis'. // Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 281. Первая публикация статьи: CUP, Cambridge (1948), pp. 115–117.

¹⁵⁵ Badian E., op. cit., p. 5-6

καί. Таким образом, мы не можем вслед за У. Тарном и У. Колбе¹⁵⁶ трактовать этот примирительный пир как «рождение всемирного братства». К тому же, слова ἐπὶ τούτοις в самом начале отрывка явно отсылает нас к случившимся перед торжеством событиям, то есть, с одной стороны, смирению и раскаянию македонцев, и с другой – прощению их царем. Напрашивается предположение, что и молитва Александра на пиру была примирительным жестом или, как пишет Ф. Шахермайр, «государственным актом»,¹⁵⁷ который символизировал начало сотрудничества и взаимопонимания между двумя сторонами недавней ссоры, а именно – македонцами и персами.

Вдобавок, если речь шла о единстве всех людей, остается непонятным, какую роль в будущем государстве Александра играли греки. Как справедливо отмечает П. Картледж, царь мог видеть их только в роли верноподданных, чей культурный опыт можно было перенять.¹⁵⁸ Из свидетельства Арриана ясно, что главными участниками пира были представители двух народов, вовлеченных в предшествующую торжеству ссору, а именно – персы и македонцы. Под «представителями других народов» наш источник мог иметь в виду остальных, неперсидских, представителей иранского народа, а также оказавшихся рядом свидетелей примирения персов и македонцев.

Слова ἀλὸ τοῦ αὐτοῦ κρατῆρος αὐτός τε καὶ οἱ ἀμφ' αὐτὸν ἀρούμενοι ἔσπενδον некоторые ученые пытались связать с отрывком из Плутарха (329 с), где Александр изображен правителем-философом, смешивавшим все человечество «в кратере дружбы» (ἐν κρατῆρι φιλοτησίῳ). Однако Г. Болдри, ссылаясь, в том числе, на мнение Э. Бэдиана, убедительно доказывает, что выразительное сравнение Плутарха с большей вероятностью могло отсылать

¹⁵⁶ Мнения У. Тарна и У. Колбе приводит, критикуя, в своей книге Г. Болдри: Baldry H. C., op. cit., p. 118.

¹⁵⁷ Шахермайр Ф., указ. соч., с. 302.

¹⁵⁸ Cartledge P. Alexander the Great. NY, 2004. p. 217.

читателя к церемонии бракосочетаний в Сузах и вряд ли восходило к некоему участнику событий Описе.¹⁵⁹ Вдобавок, Плутарх в своем трактате описывал Александра как «всеобщего примирителя», а в свидетельстве Арриана говорится о примирении только двух народов на незапланированном царем торжестве, устроенном им, чтобы справиться с неожиданной кризисной обстановкой: попытка полководца пополнить свои военные подразделения чужеземцами привела к мятежу македонских воинов, но Александр смог восстановить мир и согласие,¹⁶⁰ как минимум, в отношениях о своими земляками.

А. Б. Босворт пишет, что молитва в Описе и ее контекст, в первую очередь, свидетельствуют лишь о неприязненных отношениях между македонцами и иранцами. В то же время за этими событиями проглядывается явное желание Александра вовлечь как минимум два народа в управление своим государством, но ни о каких планах царя смешать эти два народа здесь речи не идет.¹⁶¹ Арриан показывает, что на пиру расположение гостей было строго определенным: близ царя сидели только македонцы, а уже за ними, по порядку, персы (ἀμφ' αὐτον μὲν Μακεδόνων, ἐν δὲ τῷ ἐφεξῆς τούτων Περσῶν).¹⁶²

Мы увидели, что масштабное переформирование Александром армии и пополнение ее персидскими воинами было вызвано, прежде всего, практическими соображениями: уже в Бактрии полководец столкнулся с растущей нехваткой солдат в своей войске, а по мере продвижения на Восток получать подкрепления из Македонии становилось все сложнее. К тому же, царю необходимо было вернуть доверие к себе македонцев, к этому времени

¹⁵⁹ Baldry H. C., *op. cit.*, p. 118-119. См. тж. Badian E., *op. cit.*, p. 11-12.

¹⁶⁰ Heckel W., Yardley J. C. *Alexander the Great: Historical Texts in Translation*. Oxford, 2004. P. xix.

¹⁶¹ Bosworth A. B. *Alexander and the Iranians*. // Worthington I. (ed.). *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. London, 2012. P. 286-312. P.287. Первая публикация статьи: *Journal of Hellenic Studies* 100 (1980).

¹⁶² Badian E., *op. cit.*, p. 4.

заметно пошатнувшееся по ряду причин, которые мы обсудили выше. Возможно, как предполагает Э. Фредриксмайр, формирование Александром новой армии из иранцев было задумано, чтобы противопоставить ее македонской (Diod. 17. 108. 3) и тем самым ослабить зависимость полководца от последней.¹⁶³

Судя по всему, из этого отрывка мы не можем извлечь надежного доказательства стремления Александра объединить верхние слои македонцев и персов. С другой стороны, мы явно имеем дело с политикой смешения двух народов, которую царь только начал претворять в жизнь: к 323 г. структура македонской армии кардинально изменилась, новая фаланга теперь состояла из македонцев и персов, а царская агема была пополнена персидскими аристократами.¹⁶⁴

Нам кажется наиболее вероятным, что Александр планировал в будущем добиться сотрудничества и объединения двух народов своего государства, и, даже если македонцам в этом союзе было предназначено особое место, царь считал важным обращаться с покоренными персами так же, как со своими земляками,¹⁶⁵ поддерживая между ними согласие.

5. «Браки были заключены по персидскому обычаю»:

Свадьбы в Сузах

В 324 г. Александр устроил в Сузах грандиозное празднество, предложив своим полководцам и солдатам жениться на иранских девушках. Об этом массовом бракосочетании македонцев с дочерьми знатных персов и мидян, сопровождавшемся торжественным пиром и длившемся целых пять дней, нам сообщают Диодор (XVII, 107, 6), Арриан (VII, 4, 4) и Плутарх в жизнеописании Александра (70.2). Так же, как и женитьба царя на

¹⁶³ Fredricksmeier E. Alexander the Great and the Kingdom of Asia. // Alexander the Great in Fact and Fiction, ed. A. B. Bosworth, E. J. Baynham. Oxford, 2000. P. 136-165. P. 155.

¹⁶⁴ Bosworth A. B., op. cit., p. 298.

¹⁶⁵ Baldry H. C., op. cit., p. 120.

бактрийской княжне Роксане, дочери Оксиарта, которого Александр сделал сатрапом одной из своих провинций, это беспрецедентное по своим масштабам и значению событие ученые оценивают по-разному.¹⁶⁶

Благодаря И. Г. Дройзену, который первым назвал эти браки символическим жестом слияния народов, появилось представление об Александре как о правителе, сознательно проводившего политику объединения эллинов и иранцев.¹⁶⁷ Позднее У. Тарн привлекал¹⁶⁸ этот эпизод для доказательства того, что Александр стремился к единству человечества, а другие ученые трактовали¹⁶⁹ это событие как намерение царя смешать две аристократии, чтобы укрепить свою огромную империю и тесно соединить родственными связями ее будущих наследников.

Тем не менее, А. Б. Босворт, отчасти присоединяясь к мнению Ф. Хэмпла¹⁷⁰, а также Ю. Борза¹⁷¹ не считают, что царь действительно хотел объединить и уравнивать персов и македонцев, но предполагают, что он действовал сообразно ситуации, стремясь разрешить те или иные проблемы. Похожую точку зрения разделяют П. Грин¹⁷² и Г. Болдри, который пишет,¹⁷³ что действия Александра были продиктованы скорее практическими

¹⁶⁶ Bosworth A. B. *Alexander and the Iranians*. // Worthington I. (ed.). *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. London, 2012. P. 286-312. P. 286. Первая публикация статьи: *Journal of Hellenic Studies* 100 (1980).

¹⁶⁷ *ibid.*, p. 294.

¹⁶⁸ Tarn W. W. *Alexander the Great 1* (CUP, Cambridge: 1948), Chap. II, 'The Conquest of the Far East', 'the Susa wedding', p. 110–111. // *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 280.

¹⁶⁹ Такую точку зрения высказывали Г. Берве, мнение которого в своей статье приводит А. Б. Босворт (*ibid.*), Ф. Шахермайр (указ. соч., с. 293), а также Г. Болдри (*op. cit.*, p. 127), который приводит схожее мнение Н. Хэммонда (*A History of Greece to 322 B.C.* Oxford, 1959, p. 639).

¹⁷⁰ Bosworth A. B., *op. cit.*, p. 286.

¹⁷¹ Borza E. N. *Ethnicity and cultural policy at Alexander's court*. // *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 313-318. P. 317. Первая публикация статьи: *Ancient World* 22 (Ares Publishers, Inc.: 1991), pp. 21–25.

¹⁷² Green P. *Alexander of Macedon: a historical biography*. Foreword by E. N. Borza. London, 2013 (=1991). P. 447-448.

¹⁷³ Baldry H. C., *op. cit.*, p. 127.

задачами, чем философскими убеждениями, а достаточным мотивом для них могла послужить необходимость справиться с текущим положением дел.

После возвращения из Индийского похода Александр, как пишет Ф. Шахермайр, «нашел управление страной запущенным до последней степени».¹⁷⁴ Необходимо было укрепить свою власть, авторитет которой был поколеблен за время его отсутствия, расправиться с недобросовестными наместниками, творившими беззакония, и заново наладить связь со всеми элементами своей империи.

Возможно, что и грандиозная церемония бракосочетаний в Сузах была задумана, в первую очередь, для того, чтобы с помощью создания тесного союза между македонской и иранской знатью примирить основные народы своего государства для его будущего благополучия. Арриан, подробно описывая это событие, называет имена не только выдающихся македонцев, но и девушек из виднейших иранских племен:

Arr. An. 7.4.4

Ὁ δὲ καὶ γάμους ἐποίησεν ἐν Σούσοις αὐτοῦ τε καὶ τῶν ἐταίρων· αὐτὸς μὲν τῶν Δαρείου θυγατέρων τὴν πρεσβυτάτην Βαρσίνην ἠγάγετο, ὡς δὲ λέγει Ἀριστόβουλος, καὶ ἄλλην πρὸς ταύτη, τῶν Ὀχου θυγατέρων τὴν νεωτάτην Παρύσατιν. ἤδη δὲ ἦν αὐτῷ ἠγμένη καὶ ἡ Ὀξυάρτου τοῦ Βακτρίου παῖς Ῥωξάνη. Δρύπετιν δὲ Ἡφαιστίῳσι δίδωσι, Δαρείου παῖδα καὶ ταύτην, ἀδελφὴν τῆς αὐτοῦ γυναικός· ἐθέλειν γάρ οἱ ἀνεψιούς τῶν παίδων γενέσθαι τοὺς Ἡφαιστίωνος παῖδας· Κρατερῷ δὲ Ἀμαστρίνην τὴν Ὀξυάρτου τοῦ Δαρείου ἀδελφοῦ παῖδα· Περδίκκᾳ δὲ τὴν Ἀτροπάτου τοῦ Μηδίας σατράπου παῖδα ἔδωκεν· Πτολεμαίῳ δὲ τῷ σωματοφύλακι καὶ Εὐμενεῖ τῷ γραμματεῖ τῷ βασιλικῷ τὰς Ἀρταβάζου παῖδας τῷ μὲν Ἀρτακάμαν, τῷ δὲ Ἄρτωνιν· Νεάρχῳ δὲ τὴν Βαρσίνης τε καὶ Μέντορος παῖδα· Σελεύκῳ δὲ τὴν Σπιταμένους τοῦ Βακτρίου παῖδα· ὡσαύτως δὲ καὶ τοῖς ἄλλοις

¹⁷⁴ Шахермайр Ф., указ. соч., с. 286.

ἑταίροις τὰς δοκιμωτάτας Περσῶν τε καὶ Μήδων παῖδας ἐς ὀγδοήκοντα. οἱ γάμοι δὲ ἐποιήθησαν νόμῳ τῷ Περσικῷ.¹⁷⁵

«В Сузах Александр женился сам и устроил браки своих товарищей. Сам он взял в жены Барсину, старшую из дочерей Дария, а помимо нее, как говорит Аристокл, Парисатиду, младшую из дочерей Оха. Была уже его женой и Роксана, дочь бактрийца Оксиарта. Дрипетиду, еще одну дочь Дария и сестру его собственной жены, Александр дал в жены Гефестиону. Ведь он хотел, чтобы дети Гефестиона стали родственниками его собственным детям. Кратеру же он дал в жены Амастрину, дочь Оксиарта, брата Дария. Пердикке он дал в жены дочь Артропата, мидийского сатрапа. Птолемею, который был его телохранителем, и Эвмену, своему секретарю, Александр дал в жены дочерей Артабаза: одному – Артакаму, а другому – Артониду. Неарху он дал в жены дочь Барсины и Ментора, а Селевку – дочь бактрийца Спитамена. Таким же образом он и другим своим товарищам дал в жены восемьдесят самых знатных дочерей персов и мидян. Браки были заключены по персидскому обычаю».

Для нашей темы важно, что в этот раз бракосочетание было устроено на персидский манер, в то время как свадьбу Александра и Роксаны, если верить Курцию (VII, 4, 27), праздновали согласно македонским традициям. Мы знаем, что симпатия Александра к восточным обычаям (которая также выражалась, например, в ношении им персидской одежды) вызывала настолько сильное раздражение македонцев, что они больше не могли скрывать своего недовольства, немногим позже открыто высказав его на войсковом собрании в Опесе. Арриан пишет (VII, 6, 2), что некоторые женихи неохотно согласились заключить брак по персидскому закону. Несомненно, царь не мог ожидать, что абсолютно все македонцы спокойно согласятся на его требование. Может быть, именно поэтому он задумал превратить такую непопулярную среди его подчиненных, но необходимую

¹⁷⁵ Греческий текст приводится по изданию Flavii Arriani quae exstant omnia, V. 1. Ed. Roos A. G., Wirth G. Leipzig: Teubner, 1967.

для будущего процветания государства церемонию в роскошное празднество: женихам царь раздал свадебные подарки и сам дал приданое девушкам (Arr. An. VII, 4, 8), приказал уплатить солдатские долги (Arr. An. VII, 5, 1) и наградил отличившихся в походе полководцев (Arr. An. VII, 5, 4-6). О щедрости Александра и его дружественном обращении со своими приближенными сообщает также Плутарх, рассказывая о церемонии бракосочетания в Сузах следующее:

Plut. Alex. 70.2

Τῶν δ' ἑταίρων γάμον ἐν Σούσοις ἐπιτελῶν, καὶ λαμβάνων μὲν αὐτὸς γυναῖκα τὴν Δαρείου θυγατέρα Στάτειραν, διανέμων δὲ τὰς ἀρίστας τοῖς ἀρίστοις, κοινὸν δὲ τῶν ἤδη προγεγαμηκότων Μακεδόνων γάμον [καλὸν] ἐστίασας, ἐν ᾧ φασιν, ἐνακισχιλίων τῶν παρακεκλημένων ἐπὶ τὸ δεῖπνον ὄντων, ἐκάστῳ χρυσοῦν φιάλην πρὸς τὰς σπονδὰς δοθῆναι, τὰ τ' ἄλλα θαυμαστῶς ἐλαμπρύνετο, καὶ τὰ χρέα τοῖς δανείσασιν ὑπὲρ τῶν ὀφειλόντων αὐτὸς διαλύσας, τοῦ παντὸς ἀναλώματος ἐλάσσοнос μυρίων ταλάντων ἑκατὸν τριάκοντα ταλάντοις γενομένου.¹⁷⁶

«Устроив в Сузах свадьбы своих товарищей, Александр, сам взяв в жены дочь Дария Статиру,¹⁷⁷ отдал самых знатных персидских девушек в жены самым знатным македонцам. И для тех македонцев, кто уже вступил в брак, он устроил общий свадебный пир, где, как рассказывают, девять тысяч гостей было приглашено на обед и каждому была дана золотая чаша для возлияний. Все прочее тоже было устроено удивительно блистательно, и Александр сам оплатил за должников долги заимодавцам, при том, что все его расходы составили девять тысяч восемьсот семьдесят талантов».

¹⁷⁶ Греческий текст приводится по изданию Plutarchi vitae parallelae, v. 2.2, 2nd edition. Ed. Ziegler K. Leipzig: Teubner, 1968.

¹⁷⁷ Статира — старшая из известных дочерей Дария III. Аристокл называет ее Барсиной: возможно, потому, что ее имя было изменено, чтобы почтить память ее умершей матери Статиры, жены Дария III, а, возможно, Аристокл перепутал царскую дочь с любовницей Александра Барсиной, дочерью Артабаза, которая родила Александру сына Геракла. См. Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 2006. P. 256 s.v. Stateira [2]; p. 341, 242.

О необыкновенной роскоши, с которой был устроен свадебный пир, сообщает очевидец события, распорядитель двора (эйсангелей) Харес (Ath. XII 538b–539a).¹⁷⁸ Согласно его свидетельству, в пятидневном празднестве принимали участие музыканты, рапсоды, актеры и даже индийские фокусники, а шатер, в котором проходила церемония бракосочетания, был украшен как зал дворца персидского царя.¹⁷⁹

Тем не менее, даже этот пышный, торжественный и расточительный жест Александра не помог создать крепкие браки, посредством которых он надеялся укрепить связь македонской и иранской знати и слить их воедино: после смерти царя все браки, кроме одного (союз Селевка с Апамой, дочерью главы восстания в Согдиане Спитамена) распались.¹⁸⁰ Складывается впечатление, что это была холодная и деспотическая,¹⁸¹ насильственная мера по слиянию двух народов, даже если учесть искреннее желание царя породниться, став свояками, со своим ближайшим другом Гефестионом (ἐθέλειν γάρ οἱ ἀνεψιοῦς τῶν παίδων γενέσθαι τοὺς Ἡφαιστίωνος παῖδας). К тому же, с уверенностью трактовать этот эпизод как попытку царя содействовать слиянию народов Европы и Азии посредством межнационального брака, как это делает У. Тарн¹⁸², нам мешает следующее обстоятельство. А. Б. Босворт отмечает¹⁸³, что слияние было неравноправным: персидские девушки стали женами выдающихся македонцев, но ни одна знатная эллинка не была выдана замуж за иранца. А. Б. Босворт пишет, что Александру, если бы он действительно преследовал цель уравнивать два основных народа своего государства, было бы относительно несложно приказать привезти из Греции подходящих невест и отложить церемонию бракосочетания до их

¹⁷⁸ Heckel W. Op. cit., p. 83.

¹⁷⁹ Шахермайр Ф., указ. соч., 293-294.

¹⁸⁰ Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 276. Об этом факте также упоминает также В. Хекель: Heckel W. The Wars of Alexander the Great, 336-323 B.C. Essential histories. Oxford, 2002. P. 68.

¹⁸¹ Шахермайр Ф., там же.

¹⁸² Tarn W. W, op. cit., p. 280.

¹⁸³ Bosworth A. B. op. cit., p. 295-296.

прибытия.¹⁸⁴ Примечательно, что подобное одностороннее слияние, по-видимому, мы видим и в приказе царя обучать персидских юношей греческому языку (Plut. Alex. 47, 5-8).

Э. Бэдиан считает¹⁸⁵, что Александр проводил политику смешения (fusion) народов, следуя примеру своего отца, который не раз заключал браки, действуя в интересах Македонии.¹⁸⁶ Г. Болдри также отмечает, что поглощение других народов было вообще привычным для македонского царства, а Филипп неоднократно женился, пытаясь с помощью брачного союза примирить племена своего государства, и основывал целые города со смешанным населением.¹⁸⁷

Как бы то ни было, даже если мы признаем, что царь, устроив это торжественное бракосочетание, руководствовался исключительно политическими задачами и не помышлял ни о каком единстве всего человечества, это и другие действия Александра показывают его необычное для греков того времени отношение к варварам. Незадолго до этого он приказал восстановить разграбленную гробницу Кира в Пасаргадах, а в Персеполе, сожалея о поджоге дворца,¹⁸⁸ по старинному обычаю местных царей раздал женщинам деньги (Plut. Alex. 69, 1-2). Вновь и вновь поступая вопреки эллинским предубеждениям против варваров, Александр несомненно стремился к органическому слиянию иранцев и македонцев в будущем, активно подготавливая почву для этого сложного и длительного процесса. Может быть, А. Б. Босворт и Ю. Борза несколько преувеличивают, когда пишут, что

¹⁸⁴ *ibid.*, p. 295.

¹⁸⁵ Badian E. *Greeks and Macedonians*. // *Collected papers on Alexander the Great*, Ed. E. Badian, 2012. P. 292-310. P. 309. Первая публикация статьи: *Studies in the History of Art* 10 (Symposium series 1) (1982), pp. 33–51.

¹⁸⁶ cf. Шахермайр Ф., указ. соч., с. 42-43.

¹⁸⁷ Baldry H. C., *op.cit.*, p. 127.

¹⁸⁸ О том, что тогда Александр действовал, руководствуясь панэллинской идеей «войны отмщения», пишут Ф. Шахермайр (указ. соч., с.175-176) и М. Флауэр (*Flower M. Alexander and Panhellenism // Alexander the Great in Fact and Fiction*, ed. A. B. Bosworth, E. J. Baynham. Oxford, 2000. P. 96-135. P. 114-115).

Александр лишь продолжал политику Филиппа по отношению к завоеванным государствам¹⁸⁹, а его действия больше напоминают стратегию разделения двух народов.¹⁹⁰ Царь, как нам кажется, понимал, что своими действиями он подрывает доверие к себе македонцев, и пытался с помощью щедрых подарков и пышных торжеств избежать возможных распрей в войске и конфликта с македонцами. Нам близко мнение, что, несмотря на господствующее положение македонцев в новом государстве Александра¹⁹¹, массовые бракосочетания, о которых мы говорили в этой главе, были, по всей видимости, задуманы царем, чтобы положить начало дружбе и прочному сотрудничеству двух народов.

6. «...переселение людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию...»: неосуществленные планы Александра

После смерти Александра были обнаружены его планы по завоеванию новых территорий и строительству новых городов. Плутарх (Plut. Alex. LXVIII, 1) и Арриан в своих четвертой (IV, 7, 5), а также седьмой (VII, 1, 2 —3) книгах рассказывают о намерениях Александра относительно будущих походов: полководец планировал обойти Аравию и Африку, а затем войти в Средиземное море с запада, чтобы завоевать Ливию и Карфаген.

Курций, следуя в своем изложении Неарху, не упоминает о намерении царя совершить плавание вокруг Африки и завоевать Аравию (отчасти, возможно, потому, что оно показалось историку абсурдным),¹⁹² но сообщает, что Александр, помышлявший о безграничных (*infinita*) проектах, приказал строить флот для похода на Карфаген и последующего путешествия на край

¹⁸⁹ Borza E. N., *op.cit.*, p. 313.

¹⁹⁰ Bosworth A. B. *op. cit.*, p. 297.

¹⁹¹ Fredricksmeier E. *Alexander and the Kingship of Asia // Alexander the Great in Fact and Fiction*, ed. A. B. Bosworth, E. J. Baynham,. Oxford, 2000. P. 136-166. P.159. См. также: Bosworth A. B., *op. cit.*, p. 296).

¹⁹² Yardley J. C., Atkinson J. E. *Curtius Rufus: Histories of Alexander the Great. Book 10*. Oxford, 2009. P. 86-87.

света к Геркулесовым столпам, откуда он хотел попасть в Испанию, затем — в Италию и закончить свою экспедицию в Эпире (Curt. X, 1, 17—19).

Об этих и других проектах царя, которым не суждено было исполниться, сообщает, наконец, и Диодор Сицилийский, который при написании глав «Исторической библиотеки», посвященных диадохам, использовал труды историка Иеронима из Кардии. Мы не можем точно сказать, как назывались его сочинения. Название «История после Александра» (τὰ ἐπ'Ἀλεξάνδρῳ πραχθέντα), которое сообщает Суда, скорее всего, просто описывало их содержание. В древности выделяли два труда Иеронима: «Историю Диадохов» (Diod. XVIII. 42. 1) и «Трактат об Эпигонах» (Dion. Ant. Rom. I. 6. 1). Дж. Хорнблауэр доказывает, что историк действительно мог назвать так свои произведения, поскольку он хотел показать историческую преемственность, выделив из наследников Александра первое поколение (диадохов) и второе (эпигонов).¹⁹³ Как отмечает П. Стиллану, Диодор был эпитоматором¹⁹⁴, работавшим с ограниченным количеством источником, и его методом было следовать какому-то одному автору для каждой отдельно взятой темы. Если об источнике XVII книги об Александре мы можем только гадать, то при написании книг с XVIII по XX Диодор наверняка делал выдержки из сочинений Иеронима, который, как Фукидид, описал современные ему события, в которых он принимал участие. Интересно, что Диодор ни разу не ссылается на Иеронима как на свой источник, хотя автор неизменно называет имена историков, чьи свидетельства заметно расходятся. Этот факт, по мнению П. Стиллану, может говорить о том, что Диодор, составляя изложение произведений своего предшественника, не столкнулся с противоречащими друг другу сведениями.¹⁹⁵

¹⁹³ Hornblower J. Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981. P. 76-80.

¹⁹⁴ Stylianos P. J.A historical commentary on Diodorus Siculus Book 15. Oxford, 1998. P. 51-52.

¹⁹⁵ Ibid.

Отрывок из XVIII книги Диодора особенно важен для нашей темы, поскольку в нем сообщается не просто о слиянии македонцев и персов, что мы встречали в свидетельствах выше, но о переселении народов обеих частей света — Европы и Азии, и о том, что Александр хотел покончить с враждой великих материков.

Начиная свой рассказ о борьбе преемников Александра после его смерти, Диодор (или, точнее, его источник Иероним, узнавший о последних распоряжениях царя, по-видимому, от главы канцелярии Эвмена)¹⁹⁶ рассказывает, что Пердикка, когда нашел в царских гипомнематах (ἐν τοῖς ὑπομνήμασι τοῦ βασιλέως) множество различных распоряжений, требующих больших затрат, созвал общее собрание, чтобы македонцы рассмотрели эти проекты и приняли решение по их исполнению (Diod. XVIII, 4, 2). Ф. Шахермайр отмечает, что Пердикка нарочно доложил о самых расточительных проектах царя, поскольку не был заинтересован в их исполнении.¹⁹⁷ Ни один из этих планов Александра так и не был претворен в жизнь (Diod. XVIII, 4, 6): македонцы, когда им были прочитаны эти распоряжения царя, хотя и одобряя Александра, все же решили ничего из упомянутого не исполнять, сочтя его замыслы чересчур масштабными и трудноосуществимыми (ἀναγνώσθόντων δὲ τῶν ὑπομνημάτων οἱ Μακεδόνες, καίπερ ἀποδεδεγμένοι καλῶς τὸν Ἀλέξανδρον, ὅμως ὑπερόγκους καὶ δυσεφίκτους τὰς ἐπιβολὰς ὁρῶντες ἔκριναν μηδὲν τῶν εἰρημένων συντελεῖν).

Диодор перечислил (Diod. XVIII.4.3—5) самые грандиозные и заслуживающие упоминания (τὰ μέγιστα καὶ μνήμης ἄξια) неосуществленные планы Александра. Среди них — приказ построить корабли для похода на карфагенян и другие племена, которые жили вдоль побережья Ливии, а также на тех, кто населял южное побережье Европы от Иберии до Сицилии; проложить дорогу вдоль побережья Ливии вплоть до Геракловых столпов, строя в подходящих местах гавани и верфи; воздвигнуть шесть богато

¹⁹⁶ Шахермайр Ф., указ. соч., с. 337.

¹⁹⁷ Шахермайр Ф., там же.

устроенных храмов и величественную гробницу Филиппа по образцу египетских пирамид.

Наконец, вдобавок ко всему этому (πρὸς δὲ τούτοις) Диодор сообщает еще об одном намерении Александр, а именно — устроить (κατασκευάσαι):

Diod. XVIII, 4, 4, 18-23

...πόλεων συνοικισμοὺς καὶ σωμάτων μεταγωγὰς ἐκ τῆς Ἀσίας εἰς τὴν Εὐρώπην καὶ κατὰ τοῦναντίον ἐκ τῆς Εὐρώπης εἰς τὴν Ἀσίαν, ὅπως τὰς μεγίστας ἠπείρους ταῖς ἐπιγαμίαις καὶ ταῖς οἰκειώσεσιν εἰς κοινὴν ὁμόνοιαν καὶ συγγενικὴν φιλίαν καταστήσῃ.¹⁹⁸

«...основание городов и переселение людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию, чтобы с помощью смешанных браков и сближения он (т. е. Александр — Д. М.) привел великие материки к взаимному согласию и родственной дружбе».

О том, что Александр объединял народы двух частей света, писал в своем трактате Плутарх (Plut. De Alex. 329e). Он указал на несходство неразумной политики Ксеркса, который напрасно пытался построить мост через Геллеспонт, с политикой Александра, который, поступая благоразумно, соединял Азию с Европой (Ἀσίαν Εὐρώπην) не с помощью бревен и плотов (οὐ ξύλοις οὐδὲ σχεδίαις), но с помощью законной любви, браков и общего потомства (ἔρωτι νομίμῳ καὶ γάμοις σόφροσι καὶ κοινωνίαις παίδων).

Мы знаем, что Александр проводил политику создания новых городов, основывая их по мере своего продвижения вглубь Азии и оставляя там поселенцев, чтобы обеспечить мир на территории своего огромного государства и закрепить успех своих завоеваний. Однако именно эта его колониальная политика стала причиной крупных восстаний из-за массового

¹⁹⁸ Греческий текст приводится по изданию Diodore, Bibliothèque historique Livre XVIII: Tome XIII. / Texte établi et traduit par P. Goukowsky. Paris (Budé), 1978.

недовольства людей,¹⁹⁹ тосковавших по родине и не желавших, вслед за царем, осесть на Востоке, перенимая новые, непривычные и, может быть, даже неприятные им обычаи.

Через несколько глав после нашего отрывка сам Диодор, рассказывая о состоянии дел в Азии после смерти Александра, упоминает такое восстание, которое произошло сразу же, как только греки, насильно поселенные царем в самые отдаленные сатрапии, узнали о кончине царя (Diod. XVIII, 7, 1 —5). Восстание было жестоко подавлено: все мятежники, мечтавшие вернуться к своим обычаям и образу жизни (ποθοῦντες μὲν τὴν Ἑλληνικὴν ἀγωγὴν καὶ δίαιταν), были перебиты. Таким образом, даже если Александр, основывая города и планируя массовые переселения народов, на самом деле стремился достичь «взаимного согласия и родственной дружбы», результаты его политики «переселения людей» зачастую оказывались прямо противоположными. Стоит отдельно остановиться на выражении σωμαίων μεταγωγὰς. Ф. Шахермайр отмечает,²⁰⁰ что это «перемещение тел, человеческого материала» может подразумевать, в том числе, приказ царя покупать рабов, которых можно было использовать для своих колонизаторских планов. Ведь, как мы увидели, не все свободные люди были готовы участвовать в масштабных проектах переселения, и это при том, что Александр не успел осуществить свои самые значительные замыслы.

Во-вторых, σωμαίων μεταγωγὰς может отсылать нас к межнациональным бракам и дружбе среди людей разных народов. Такие намерения царя вполне отвечали интересам его нового государства, занимавшего столь огромную территорию. Тем более, как мы уже видели, ὁμόνοια могла быть главной побудительной причиной такого переселения, другими словами — Александр стремился всеми способами сгладить исконные

¹⁹⁹ Holt F. L. Alexander's Settlements in Central Asia. // Worthington I. (ed.). Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. London, 2012. P. 196-202. P. 196-197. Первая публикация статьи: Ancient Macedonia 4, Institute for Balkan Studies, Thessaloniki (1986), p. 315–323.

²⁰⁰ Шахермайр Ф., указ. соч., с. 337-340.

противоречия между греками и варварами и не допустить столкновения победителей и побежденных.²⁰¹ В таком случае, единство человечества, которого Александр добивался, заключалось в политике слияния, проявлениями которой можно также считать массовые бракосочетания в Сузах и примирительную молитву на пиру в Опесе, где царь опять-таки говорил о согласии (ὁμόνοια) между двумя народами своего государства, уладив назревающий конфликт между персами и македонцами мирным путем.

Г. Болдри пишет, что, хотя этот отрывок и рассказывает о многочисленных и, бесспорно, масштабных проектах Александра на будущее, он не может служить подтверждением стремления царя к единству человечества.²⁰² В конце концов, традиция гораздо отчетливее описывает нам реальные цели Александра, нежели его идеи. Как бы то ни было, сложно не согласиться с Аристубулом, который считал (Strab. XVI, 1, 11), что истинным стремлением царя было стать всемирным повелителем (ὁ δ' ἀληθὲς ὀρεγόμενον πάντων εἶναι κύριον).²⁰³ Арриан (Arr. An. VII.19.6) также имеет в виду мнение Аристубула, когда пишет, что царь всегда был ненасытен в своих завоеваниях (ἄπληστος ἦν τοῦ κτᾶσθαι τι ἀεὶ Ἀλέξανδρος).²⁰⁴

На протяжении всего своего долгого похода Александр выступал, как агрессор, он был завоевателем, ради своих замыслов готовым на самые решительные меры, для которых он находил оправдывающие обстоятельства. Достаточно вспомнить, например, как он подхватил панэллинские идеи войны отмщения и использовал убийство своего отца как предлог, чтобы

²⁰¹ Diodore, Bibliothèque historique Livre XVIII: Tome XIII. / Texte établi et traduit par P. Goukowsky. Paris (Budé), 1978. p. 110.

²⁰² Baldry H. C., op. cit., p. 121.

²⁰³ O'Brien J. M. Alexander the Great: The Invisible Enemy. A biography. London and New York: Routledge, 2005 (=1992). P. 209.

²⁰⁴ О том, что Арриан под видом исторического комментария передает мнение Аристубула, пишет М. Хэммонд: Hammond M. Arrian: Alexander the Great. The Anabasis and the Indica. Introduction and Notes by Atkinson J. Oxford, 2013. P. 322.

захватить всю Азию;²⁰⁵ или как, по свидетельству Арриана (Arr. An. VI, 14, 1—2), для покорения территорий маллов он использовал в качестве *casus belli* тот факт, что их племя заблаговременно не отправило к Александру послов, которые должны были выразить свою покорность завоевателю.²⁰⁶ Наконец, экспедиция в западную часть ойкумены, которую задумал Александр, тоже вряд ли планировалась как мирный поход: Ф. Шахемайр пишет,²⁰⁷ что предлогом для отмщения могла на этот раз стать гибель дяди Александра, царя Эпира, в Нижней Италии (Justin. XII, 3, 1).

Возможно, что и в приведенном нами свидетельстве Диодора мы видим, с одной стороны, настоящие планы Александра (основание городов и массовые переселения людей, а также смешение народов с помощью браков), а с другой – идею, которая была приписана ему более поздней традицией, а именно – примирить Европу и Азию, приведя их к взаимному согласию и родственной дружбе (*εἰς κοινὴν ὁμόνοιαν καὶ συγγενικὴν φιλίαν*). Выше мы уже писали о том, что такая идея вполне могла быть обоснована огромными масштабами будущего государства Александра, и он был заинтересован, чтобы различные народы его империи сосуществовали в мире. С другой стороны, Дж. Хорнблауэр подчеркивает, что Иероним, чья писательская деятельность пришлась на время правления династии Антигонидов, расцвета кинической школы и самого начала развития стоической философии, мог приписать современные представления об идеальном царе Александру. Зенон Китийский в основу своей «Политии», сохраняемой божеством Эротом, помещал (SVF I, 263) дружбу (*φιλία*), свободу (*ἐλευθερία*) и согласие (*ὁμόνοια*). Мы встречаем те же понятия, которые являлись основными

²⁰⁵ Brunt P. A. The aims of Alexander. // Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 62-70. Первая публикация статьи: Greece and Rome 12 (CUP, Cambridge: 1965), p. 205–215.

²⁰⁶ Bosworth A. B. Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. Oxford, 2004 (=1996). P. 152.

²⁰⁷ Шахермайр Ф., указ. соч., с. 342. О том, что Александр мог планировать довершить начатое царем Эпира, пишет также М. Флауэр: Flower M. Alexander and Panhellenism. // Alexander the Great in Fact and Fiction, ed. A. B. Bosworth, E. J. Baynham,. Oxford, 2000. P. 96-135. P. 133.

чертами образа идеального правителя эпохи эллинизма, когда читаем о попытках Александра объединить персов и македонцев. В эпоху правления диадохов *ὁμόνοια*, согласие, которого в первую очередь нужно было добиться как гегемонам, так и их отдельным отрядам, превратилось сначала в общую цель для царя, управляющего большим государством, приобретя новые широкие философские коннотации. Дж. Хорнблауэр, пытаясь проследить у Иеронима развитие этого понятия, отмечает, что в рассказе историка мы сталкиваемся с самым началом такого процесса.²⁰⁸

Проанализировав необходимые свидетельства, мы делаем вывод, что Александр действительно стремился к объединению народов под своей властью. К сожалению, все обстоит сложнее с вопросом, руководствовался ли он при этом представлениями о единстве человечества, которые мы встречаем у греческих философов. В традиции ничего не говорится об оригинальности идей Александра, и, если рассмотреть их отдельно от его планов и намерений, они не будут сильно отличаться от тех, которые разделяли киники или софисты.²⁰⁹ Поэтому нам кажется, что главное объяснение стремления Александра путем смешения привести народы своего государства к согласию и родственной дружбе заключается в проводимой им политике и попытках разрешить необычайно сложные, грандиозные задачи, которые ставил перед собой полководец.

²⁰⁸ Hornblower J. Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981. P. 111-112.

²⁰⁹ Fisch M. H. Alexander and the Stoics. // The American Journal of Philology, Vol. 58, No. 2 (1937), p. 129-151, p. 143.

VI. Заключение

Мы считаем маловероятным, что Александр в своих походах действительно руководствовался теми или иными представлениями о единстве человечества, которые существовали в современной ему греческой мысли. Как и большинство ученых, мы думаем, что свидетельство из трактата Плутарха нельзя привлекать в качестве доказательства стремления царя к смешению и объединению всех народов. Хотя писатель и поставил царя в один ряд с философами, Александр, безусловно, никогда им не был, но при этом мог, конечно, испытать влияние некоторых идей его учителя Аристотеля и других философов, окружавших его.

Мы выяснили, что личность Александра были склонны идеализировать еще в античности и поэтому представляется сложным ответить на вопрос, какими были его истинные замыслы. С другой стороны, в разных свидетельствах присутствуют одни и те же слова-лозунги, которыми мог пользоваться царь: ὁμόνοια, κοινωνία, а также φιλία. Это позволяет предположить, что Александр, чье отношение к варварам отличалось от общепринятого, на самом деле стремился примирить и объединить под своей властью, как минимум, два народа. Важно, что в рассмотренных нами свидетельствах речь идет, прежде всего, о македонцах и персах, но никогда о греках или, скажем, индийских племенах.

При этом Александр не был тем κοινὸς ἀρμοστής καὶ διαλλακτής, каким его описал Плутарх, но был расчетливым политиком, стремящимся разрешить определенные задачи. Это доказывают его пропагандистские жесты (среди которых, например, объявление себя сыном Зевса, ношение персидской одежды, устройство примирительного пира в Описе) и заключение брачных союзов в интересах благополучия и спокойствия своего государства. Кроме того, сведения о проектах походов, которые Александр планировал осуществить в будущем, показывают, что главные замыслы царя

были, в первую очередь, связаны с желанием завоевать весь известный мир. Перед нами предстает Александр, чьи стремления к всевластию были настолько решительными, что все народы должны были стать его подданными, а не соправителями.

Некоторыми своими действиями, как, например, приказ обучать своих воинов с Востока греческому языку, Александр подготовил почву для эпохи эллинизма, и, хотя стремления царя не были связаны с намеренной политикой смешения двух культур, последствия его действий затронули всю ойкумену.

Мы считаем, что Александр-примиритель, стремившийся к объединению народов своего государства, не может быть рассмотрен отдельно от Александра-прагматика, перед которым на протяжении всего его царствования стояли очень сложные, практически неразрешимые, проблемы.

VII. Список литературы

I. Издания античных авторов

1. Antiphon the Sophist: the fragments. Ed. Pendrick G. J. Cambridge, 2002.
2. Aristoteles. Privatorum scriptorum fragmenta. / Ed. M. Plezia. Leipzig, 1977.
3. Die Fragmente der Vorsokratiker. Erster Band. / Ed. Diels H., Kranz W., Auf. 6. Berlin, 1960.
4. Diodore, Bibliothèque historique Livre XVIII: Tome XIII. / Texte établi et traduit par P. Goukowsky. Paris (Budé), 1978.
5. Flavii Arriani quae exstant omnia, vol. I / Ed. Roos A. G., Wirth G. Leipzig, Teubner, 1967.
6. Plutarchi moralia, vol. 2.2. / Ed. Nachstädt, Leipzig: Teubner, 1935, repr. 1971.
7. Plutarchi vitae parallelae, vol. 2.2, 2nd ed. Ed. Ziegler K. Leipzig: Teubner, 1968.
8. Гиппократ и Гиппократов сборник. Пер. В. И. Руднева; ст. и примеч. В. П. Карпова; отв. ред. С. Сапожников (Серия «Классики биологии и медицины»). М., 1936.
9. Фрагменты ранних стоиков, пер. и комментарии А.А. Столярова, т. 1. М, 1998.

II. Словари и справочные издания.

10. Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996, 9th ed.

III. Научная литература:

11. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра. Отв. ред. Гаспаров М. Л. "Наука", 1973.

12. Дройзен И. Г. История эллинизма. История Александра Великого. Пер. с нем. М., 2001.
13. Зайцев А.И., Антифонт. Философский энциклопедический словарь. М. 1983.
14. Костюхин Е. А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
15. Кошеленко Г. Аристотель и Александр: к вопросу о подлинности "Письма Аристотеля к Александру о политике по отношению к городам". ВДИ (1), 1974.
16. Поленц М. Стоя. История духовного движения. Пер. с немецкого В. М. Линейкина. СПб., 2015
17. Шахермайр Ф. Александр Македонский. Пер. с нем. М. Н. Ботвинника и Б. Функа. М., 1984.
18. Badian E. Alexander the Great and the Loneliness of Power. // Collected papers on Alexander the Great, Ed. E. Badian, 2012. P. 96-105. Первая публикация статьи: Australasian Universities Modern Languages Association (1962), 80–91.
19. Badian E. Greeks and Macedonians. // Collected papers on Alexander the Great, Ed. E. Badian, 2012. P. 292-310. Первая публикация статьи: Studies in the History of Art 10 (Symposium series 1) (1982), pp. 33–51.
20. Badian E., Alexander the Great and the Unity of Mankind // Collected papers on Alexander the Great, Ed. E. Badian, 2012. P. 1-19. Первая публикация статьи: Historia 7 (1958), 287-306.
21. Baldry, H. The Unity Of Mankind in Greek Thought, Cambridge, 1965.
22. Baynham E. L. Power, Passion, and Patrons: Alexander, Charles Le Brun, and Oliver Stone. // Alexander the Great: a new history. Ed. Heckel W., Tritle L. A. Oxford, 2009.
23. Beck M. A Companion to Plutarch. Oxford, 2014.
24. Borza E. N. Ethnicity and cultural policy at Alexander's court. // Alexander the Great. A Reader. 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 313-

318. Первая публикация статьи: *Ancient World* 22 (Ares Publishers, Inc.: 1991), pp. 21–25.
25. Bosworth A. B. *Alexander and the Iranians*. // Worthington I. (ed.). *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. London, 2012. P. 286-312.
Первая публикация статьи: *Journal of Hellenic Studies* 100 (1980).
26. Bosworth A. B. *From Arrian to Alexander: Studies in Historical Interpretation*. Oxford, 2000 (=1988).
27. Briant P. *Alexander and the Persian Empire, between “Decline” and “Renovation”*: History and Historiography. // *Alexander the Great: a new history*. Ed. Heckel W., Tritle L. A. Oxford, 2009.
28. Brown T.S. *Onesicritus, A Study in Hellenistic Historiography*, 1949.
29. Brunt P. A. *The aims of Alexander*. // *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 62-70. Первая публикация статьи: *Greece and Rome* 12 (CUP, Cambridge: 1965), pp. 205–215.
30. Carney E.D. *Women and Monarchy in Macedonia*. Norman, 2000.
31. Cartledge P. *Alexander the Great*. NY, 2004.
32. Dahmen K. *The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman coins*. NY, 2007.
33. Dudley D.R., *A History of Cynicism*, Cambridge, 1937.
34. Dueck D. *Strabo of Amasia: a Greek Man of Letters in Augustan Rome*. London, 2000.
35. Fisch M. H. *Alexander and the Stoics*. // *The American Journal of Philology*, Vol. 58, No. 2 (1937), pp. 129-151
36. Flower M. *Alexander and Panhellenism* // *Alexander the Great in Fact and Fiction*, ed. A.B. Bosworth, E.J. Baynham,. Oxford, 2000. P. 96-135.
37. Flower M. *Alexander and Panhellenism*. // *Alexander the Great in Fact and Fiction*, ed. A.B. Bosworth, E.J. Baynham,. Oxford, 2000. P. 96-135.
38. Fredricksmeyer E. A. *Alexander's religion and divinity*. // Worthington I. (ed.). *Alexander the Great. A Reader*. 2nd edition. London, 2012. P. 335-

356. Первая публикация статьи: Brill's Companion to Alexander the Great. Ed. J. Roisman. Leiden, 2003. Chap. 10, pp. 253–278.
39. Fredricksmeyer E. Alexander the Great and the Kingdom of Asia. // Alexander the Great in Fact and Fiction, ed. A.V. Bosworth, E.J. Baynham, Oxford, 2000. pp. 136-165.
40. Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law and Justice in the Age of the Sophists. University of Texas Press, 2002.
41. Gilley D. L. Damn with Faint Praise: A Historical Commentary on Plutarch's De Fortuna aut Virtute Alexandri Magni, 2009.
42. Green P. Alexander of Macedon: a historical biography. Foreword by E. N. Borza. London, 2013 (=1991).
43. Hamilton J. R. Plutarch Alexander: A Commentary. Oxford, 1969.
44. Hammond M. Arrian: Alexander the Great. The Anabasis and the Indica. Introduction and Notes by Atkinson J. Oxford, 2013.
45. Heckel W. The Wars of Alexander the Great, 336-323 B.C. Essential histories. Oxford, 2002.
46. Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great: Prosopography of Alexander's Empire. Oxford, 2006.
47. Heckel W., The conspiracy against Philotas. // Worthington I. (ed.). Alexander the Great. A Reader. 2 nd edition. London, 2012. P. 370-380. Первая публикация статьи: Phoenix 31. Classical Association of Canada (1977), pp. 9–21.
48. Heckel W., Yardley J. C. Alexander the Great: Historical Sources in Translation. Oxford, 2004.
49. Holt F. L. Alexander's Settlements in Central Asia. // Worthington I. (ed.). Alexander the Great. A Reader. 2 nd edition. London, 2012. pp. 196-202. Первая публикация статьи: Ancient Macedonia 4, Institute for Balkan Studies, Thessaloniki (1986), pp. 315–323.
50. Hornblower J. Hieronymus of Cardia. Oxford, 1981.

51. O'Brien, J. M. *Alexander the Great: The Invisible Enemy. A biography.* London and New York: Routledge, 2005 (=1992).
52. Pearson L., *The Lost Histories of Alexander the Great.* Oxford, 1960.
53. Schofield M. *The Stoic idea of the city.* Cambridge, 1991.
54. Stadter, P. A. *Arrian of Nicomedia.* The University of North Carolina Press, 1980.
55. Stylianou P. *J.A historical commentary on Diodorus Siculus Book 15.* Oxford, 1998.
56. Swain S. *Themistius, Julian and Greek Political Theory under Rome. Texts, Translations and Studies of Four Key Words.* Cambridge, 2013.
57. Tarn W. W. *Alexander the Great 1* (CUP, Cambridge: 1948), Chap. II, 'The Conquest of the Far East', 'the Susa wedding', pp. 110–111. // *Alexander the Great. A Reader.* 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 280.
58. Tarn W. W. *Alexander the Great 1.* Chap. II, 'The Mutiny at Opis'. // *Alexander the Great. A Reader.* 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. Первая публикация статьи: CUP, Cambridge (1948), pp. 115–117.
59. Tarn W. W. *Alexander the Great 1.* Chap. II, The policy of fusion. // *Alexander the Great. A Reader.* 2nd edition. Ed. Worthington I. London, 2012. P. 283-285. Первая публикация статьи: CUP, Cambridge (1948), pp. 137–138 and 145-148.
60. Tarn W. W. *Alexander the Great 2.* Appendix 22, 'Alexander's Deification' // Worthington I. (ed.). *Alexander the Great. A Reader.* 2nd edition. London, 2012. Первая публикация статьи: CUP, Cambridge. 1948, p. 370–373.
61. Vogt K. M. *Law, reason, and the cosmic city: political philosophy in the early Stoa.* Oxford, 2008.
62. Worthington I. *Alexander the Great, Man and God.* // Worthington I. (ed.). *Alexander the Great. A Reader.* 2nd edition. London, 2012. P.328-334.
63. Worthington I. *By the spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire.* Oxford, 2014.

64. Yardley J. C., Atkinson J. E. *Curtius Rufus: Histories of Alexander the Great. Book 10.* Oxford, 2009.
65. Zambrini A. *The Historians of Alexander the Great. / A Companion to Greek and Roman Historiography.* Ed. J. Marincola. Oxford, 2011.